

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Институт общественных наук
Кафедра всеобщей истории и методики преподавания исторических дисциплин

**ОБРАЗ ПЕРСОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ ДРЕВНИХ ГРЕ-
КОВ (ГЕРОДОТ, ФУКИДИД, КСЕНОФОНТ) (МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ
ИЗУЧЕНИЯ НА УРОКАХ ИСТОРИИ)**

Выпускная квалификационная работа

Квалификационная работа

допущена к защите

зав. кафедрой

дата подпись

Исполнитель:

Устюжанин Никита

Константинович,

обучающийся ИО-1701z группы

подпись

Руководитель:

Земцов Владимир Николаевич,

доктор исторических наук,

профессор

подпись

Екатеринбург 2023

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ОБРАЗ ПЕРСОВ В ТРУДАХ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ИСТОРИКОВ	15
1.1 Образ персов в «Истории» Геродота	15
1.2 Образ персов в «Истории» Фукидида.....	22
1.3. Образ персов в работах Ксенофонта.....	31
ГЛАВА 2. МЕТОДИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА УРОКА ИСТОРИИ ПО ТЕМЕ «ГРЕКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ».....	53
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	59
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	63

ВВЕДЕНИЕ

Древняя Греция – колыбель европейской цивилизации, многие знают эту формулировку, и это действительно так. Ведь то непростое время подарило человечеству настоящих исследователей, настоящих ученых, положило начало многим наукам, без которых невозможно себе представить современный мир. Одна из этих наук называется историей. С древнегреческого языка это слово можно перевести как «исследование» или даже «расследование», «следствие»¹. «Отцом истории» называют Геродота, чье произведение в том числе будет рассмотрено в этой работе. Его «История» была первым колоссальным историческим исследованием в истории человечества, это не какая-то хроника, летопись или еще что-то, это исследование. Продолжателем Геродота на историческом поприще в ту эпоху был человек по имени Фукидид. По легенде он, будучи 10-летним ребенком, присутствовал вместе со своим отцом на одном из выступлений Геродота. В этой работе пойдет речь и о Ксенофоне, греческом историке, философе и воине. Он написал ряд исторических произведений: «Анабасис», «Киропедия» и «Греческая история». Это три главных историка классической и Греции, и эпохи упадка полисов. Они дают нам основную информацию и греко-персидских войнах, культуре Персии и многом другом. Поэтому мы будем использовать их произведения, чтобы выявить как выглядели персы в сознании древних греков. Также будет предоставлена методическая разработка урока истории для пятого класса школы.

Актуальность работы заключается в том, что греко-персидский войны – это первый конфликт Запада и Востока, это известно было уже Геродоту. С середины и по конец XX века мир был разделен на два лагеря – социалистический и капиталистический. После распада СССР такое биполярное устройство мира перестало существовать, США победили в Холодной войне и стали мировым гегемоном. Но к сегодняшнему дню мир представляет со-

¹ Суриков И.Е. Геродот. М., 2009. С. 204.

бой куда более сложную политическую структуру. Китай возвышается и США потихоньку начинает терять лидерские позиции в международной политике. К тому же страны Востока активно налаживают отношения между друг другом, как например Китай и Турция. Всё это может привести мир к еще одному биполярному устройству – Восток и Запад, как это было во времена греко-персидских войн. Поэтому сейчас актуально обратить внимание именно на этот период мировой истории. Изучения персов в этом ключе актуально в том плане, что в массовой культуре, в некоторых фильмах они очень сильно демонизированы, а ведь известно, что кино это важнейшее из искусств, поэтому оно способно формировать в образе людей любые стереотипы, особенно у школьников. Таким образом суммируя все вышесказанное в школе будет актуально при изучении греко-персидских войн сделать акцент на образе персов, образе противника тогдашнего Запада, помимо этого у школьников будет развиваться критическое мышление и понимание, что нельзя однобоко смотреть на многие вещи в жизни, что есть разные точки зрения и их надо учитывать.

Объект работы – «История» Фукидида, исторические труды Ксенофонта («Анабасис», «Киропедия», «Греческая история»), «История» Геродота.

Предмет работы – формирование и динамика образа персов в исторических сочинениях древних греков (Геродот, Фукидид, Ксенофонт)

Цель работы – Систематизировать образ персов в исторических сочинениях древнегреческих историков и предоставить методическую разработку урока по истории на тему «Греко-персидские войны»

Для достижения этой цели нам понадобится выполнить **задачи**:

1. Изучить образ персов, описанный в произведениях древнегреческих историков (Геродот, Фукидид, Ксенофонт).
2. Сравнить образы персов у каждого историка между собой.
3. Сравнить Геродота, Фукидида и Ксенофонта как историков.
4. Разработать конспект урока по истории

Хронологические рамки исследования включают в себя период классической Греции V век. до н.э., также период кризиса полисного устройства IV век до н.э.

Территориальные рамки исследования: Восточное Средиземноморье в середине и последней трети I тыс. до н.э.

Методы исследования.

Исследование базируется на общенаучных методах и принципах, опираясь на которые можно избежать однобокого взгляда на изучаемые явления и процессы. Это такие методы как анализ, синтез, описание, обобщение.

В работе используются также и специально-исторические методы:

Сравнительно-исторический метод, он позволит выявить и сопоставить образ персов в трудах древнегреческих историков, сравнить персов с эллинами, сравнить историков, их подходы и мировоззрение на исторический процесс.

Историко-динамический метод, с его помощью можно выявить динамику развития образа персов в работах древнегреческих историков.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что, выводы, сделанные в работе, позволяют проследить трансформацию образа персов в работах древнегреческих историков от самого начала греко-персидских войн и вплоть до периода глубокого кризиса полисного устройства в Древней Греции.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов в школе на уроках истории посвященных греко-персидским войнам. Данная работа содержит методическую разработку урока, проводимого в 5 классе. Урок поможет вызвать интерес у школьников к истории Древней Греции.

Обзор источников.

«История» Геродота считается основополагающим трудом по истории в западной литературе. Написанная около 430 г. до н.э. на ионическом диалекте классического греческого языка, «История» служила записью древних

традиций, политики, географии и столкновений различных культур, которые были известны в то время в Греции, Западной Азии и Северной Африке. Хотя это и не полностью беспристрастный источник, он остается одним из самых важных на Западе по этому вопросу. Более того, Геродот установил жанр изучения истории в западном мире (несмотря на существование исторических записей и хроник заранее). «История» также является одним из самых ранних источников о подъеме Персидской империи, а также о событиях и причинах греко-персидских войн между Персидской империей и греческими городами-государствами в V в до н.э. В какой-то момент «История» была разделена на девять книг, которые появляются в современных изданиях, условно названных в честь девяти муз.

«История» Фукидида – это исторический источник о Пелопоннесской войне (431–404 гг. до н. э.), которая велась между Пелопоннесским союзом (во главе со Спартой) и Делосским союзом (во главе с Афинами). Она была написана Фукидидом, афинским историком, который также служил афинским полководцем во время войны. Его описание конфликта считается классикой и считается одной из самых ранних научных работ по истории. История разделена на восемь книг. История, как известно, умалчивает об источниках. Фукидид почти никогда не называет имена своих информаторов и всего несколько раз ссылается на конкурирующие версии событий. Это резко контрастирует с Геродотом, который часто упоминает несколько версий своих историй и позволяет читателю решить, какая из них верна. Вместо этого Фукидид стремится создать впечатление цельного и неопровержимого повествования. Тем не менее можно попытаться обнаружить источники, лежащие в основе различных разделов Истории. Например, повествование после изгнания Фукидида (IV.108), кажется, сосредоточено на пелопоннесских событиях больше, чем в первых четырех книгах, что приводит к выводу, что в то время у него был больший доступ к пелопоннесским источникам. Часто кажется, что Фукидид утверждает, что знает мысли людей в ключевые моменты повествования. Возможно, это служит доказательством того, что он

брал интервью у этих людей постфактум. Однако свидетельства Сицилийской экспедиции опровергают это, поскольку Фукидид обсуждает мысли погибших там генералов, у которых не было возможности взять интервью. Вместо этого кажется вероятным, что, как и в случае с речами, Фукидид свободнее, чем считалось ранее, в выводах о мыслях, чувствах и мотивах главных героев своей Истории и их действий, а также о своем собственном понимании того, что было бы уместным или вероятным в их действиях. такая ситуация.

Ксенофонт – писатель плодовитый и разносторонний. Все, что им написано, по-видимому, дошло до нас; вероятно даже, что некоторые из сочинений, носящих его имя, на самом деле не принадлежат ему; но это – вопрос очень спорный: одно и то же сочинение признается одними учеными за подлинное, другими – за подложное. Сочинения, дошедшие под его именем, принято делить на следующие группы: 1) исторические: «Анабасис», «История Греции», «Агесилай», «Киропедия»; 2) философские: «Воспоминания о Сократе», «Защита Сократа на суде», «Домострой», «Пир», «Гиерон»; 3) политические: «Государственное устройство Спарты», «Государственное устройство Афин», «Доходы (Аттики)»; 4) дидактические: «Гиппархик», «О верховой езде», «Кинегетик». Мы рассмотрим подробнее только исторические работы. В «Анабасисе» (состоящем из 7 «книг» в древнем смысле) описаны поход Кира против Артаксеркса и отступление «десяти тысяч» греков, кончая передачей этого войска спартанскому полководцу Фимброну. Замечательно, что в «Истории Греции» (III, 1, 2) Ксенофонт говорит: «Как Кир собрал войско и с ним пошел на брата, как произошло сражение и он был убит, как после этого греки дошли до моря, – это описано сиракузцем Фемистогеном». Эта фраза дала повод к двум толкованиям. Одни предполагают, что Фемистоген, как и Ксенофонт, также написал книгу об экспедиции Кира; что это сочинение, далеко уступавшее сочинению Ксенофонта, было вытеснено им и забыто, но Ксенофонт по скромности упомянул его вместо своего. Второе предположение принадлежит Плутарху («О славе афинян»): по его мне-

нию, Ксенофонт, вдвойне заинтересованный в «Анабасисе», как автор и как действующее лицо в описанных там военных событиях, ставил выше славу в качестве действующего лица, чем славу в качестве автора сочинения, и потому, чтобы внушить полное доверие к своему повествованию, в котором есть доля самовосхваления, он приписал авторство «Анабасиса» другому лицу. Вторая гипотеза, кажется, более правдоподобна; тогда это – первый случай в истории литературы употребления псевдонима. Древние единогласно признавали «Анабасис» произведением Ксенофонта; новые критики также не выражают сомнений в его подлинности, и на «Анабасисе» главным образом основана слава Ксенофонта. «История Греции» (в 7 книгах) содержит в себе описание событий с 411 года до битвы при Мантинее включительно (362 г. до н. э.). Это сочинение распадается на две, различные по манере изложения, части. Первая часть, обнимающая две первые книги (до конца Пелопоннесской войны), служит продолжением неоконченной истории Фукидида; начинается она без всякого вступления, прямо с того момента, на котором остановился Фукидид, словами: «После этого спустя немного дней...» Изложение – краткое, сухое, в хронологическом порядке, как у Фукидида. Вторая часть, начинающаяся с правления Тридцати, напротив, вообще отличается живым, пространным, ярким изложением, с приведением многих, нередко длинных речей. Написано это сочинение, очевидно, не в один, а в несколько приемов, в разное время: первые две книги составлены, вероятно, вскоре после 403 года, а последние – под конец жизни Ксенофонта, уже после 357 года, так как в них упоминается событие, относящееся к этому году. В первой части изложение сравнительно объективно, но во второй видны большое пристрастие автора к Спарте, особенно к столь чтимому им Агесилаю, и враждебное отношение к Фивам. «Киропедия» (т. е. воспитание Кира) в 8 книгах есть нечто среднее между историческим и философским сочинением: по своей цели это – философское сочинение; исторический элемент служит в нем только декорацией для поучительного содержания; но древние ставили «Киропедию» наряду с собственно историческими сочинениями Ксенофонта, – «Анабаси-

сом» и «Историей Греции». Это – род исторического романа, где описывается, как Кир Старший, основатель персидского царства (умерший в 529 году до н.э.), был воспитан, как он отличался в качестве государственного человека, полководца и царя, какие советы давал на смертном одре своим сыновьям и министрам. Исторические факты здесь искажены до крайности; даже нет верного изображения персидских идей и обычаев; скорее это – похвальное слово сократовским принципам и спартанской практике; Кир сам – наполовину Сократ, наполовину Агесилай. Рассказ об ассирийском царевиче Абрадате, прекрасная жена которого, Панфея, лишила себя жизни, когда он пал в сражении за Кира, есть самая древняя любовная повесть в европейской литературе. У римлян, в Византии и в новой Европе XVII века «Киропедия» пользовалась большим успехом и вызвала многочисленные философские романы. Для нас она интересна в том отношении, что характеризует политические, нравственные и педагогические идеалы Ксенофонта и служит свидетельством его увлечения восточными обычаями и нравами.

Подводя итоги обзора источниковой базы, стоит отметить что три историка достаточно по-разному подходят к повествованию. Геродот считает своим долгом передавать все что ему говорят, а уже читатель делает вывод кому верить. Фукидид же сам проводит критику источника и дает наиболее объективную точку зрения, по его мнению. Его интересует исключительно военная история, он не отвлекается на описание природы, флоры, фауны и обычаев, в отличие от «отца истории». Ксенофонт не использует какой-либо особой методологии в этом плане, однако он ближе по изложению к Фукидиду, нежели к Геродоту. Подобно Сократу и другим ученикам Сократа (Платон, Алкивиад, Критий), Ксенофонт проявлял большой интерес к политической философии, и в его работах часто исследуется лидерство. Тексты Ксенофонта были по существу дидактическими (обычно с прямым или косвенным указанием на военные или лидерские навыки) и часто продвигались за счет использования истории в качестве источника материала.

Степень изученности темы. Говоря о научной литературе, посвященной изучению отношений греков и персов, отметим, что ранее эти отношения исследователи рассматривали, как правило, исключительно как противостояние. Такая тенденция в историографии сохранялась длительное время, начиная с монографии В. Юдайха², впервые специально уделившему внимание греко-персидским отношениям. Однако, в последней трети XX века в историографии стал преобладать другой взгляд на проблему эллино-персидских отношений, который заключается в идее взаимодействия греков и персов и отрицания непримиримого характера их конфронтации. Так, в работах К. Таплина³, М. Миллер⁴, Л. Митчелл⁵, К. Аллен⁶, делается акцент на взаимодействие, а не противостояние греков и персов. В работах исследователей прослеживается мысль, что, несмотря на антиперсидскую риторику в эллинской литературе и искусстве, реальная ситуация в обычной, повседневной жизни и греческой политике была иной. Если рассматривать восточную политику не только Афин и Спарты, но и других полисов Балканской Греции, то складывается картина, согласно которой между эллинами и персами зачастую устанавливались тесные взаимоотношения как на дипломатическом, так и на межличностном уровне включая взаимный дарообмен и ксенические связи.

Хорошо изучал образы варваров, в частности персов в античной историографии, в том числе и у Геродота Эдуард Валерьевич Рунг⁷. У него есть статья, посвященная сравнению Дарию и Ксеркса у Эсхила и Геродота. Практически все его работы посвящены греко-персидским отношениям в той или иной форме. Мельком касались этой темы Игорь Евгеньевич Суриков⁸ и

² Judeich W. Kleinasiatische Studien: Untersuchungen zur griechischpersischen Geschichte des IV Jahrhunderts v. Chr. Marburg, 1892. 385 p.

³ Tuplin C. Persians as Medes // *Achaemenid History*. № 80. 1994. P. 1-16.

⁴ Miller M. *Athens and Persians in the Fifth Century B. C.: a Study in Cultural Receptivity*. Cambridge, 1997. 412 p.

⁵ Mitchell L. *Greek Bearing Gifts: the Public Use of Private Relationship in the Greek World, 435–323 B. C.* Cambridge, 1997. 264 p.

⁶ Allen K. H. *Philobarbarism: a Study in Greek Interchanges with the Non-Greeks in the Fourth Century B.C.* Princeton, 2002. 233 p.

⁷ Список научных работ Рунга Э.В. URL: <http://kpfu.ru/docs/F979046410/Rung.doc>

⁸ Суриков И.Е. Геродот. М. 2009. 414 с.

Соломон Яковлевич Лурье⁹ в своих сочинениях о Геродоте. Среди зарубежных авторов можно отметить Э. Леви, французского историка, у него есть работа под названием «Геродот филоварвар или видение варвара у Геродота» (*Hérodote philobarbaros ou la vision du barbare chez Hérodote*)¹⁰. Франсуа Хартог, антиковед из Франции, написал книгу под названием «Зеркало Геродота: очерк о представлении другого» (*Le Miroir d'Hérodote. Essai sur la représentation de l'autre*)¹¹. Тему персов в представлении «отца истории» также изучал Дж. Редфилд в своем труде под названием «Геродот путешественник» (*Herodotus the Tourist*)¹².

Переходя к Фукидиду, стоит сказать, что вопрос о его источниках долгое время не ставился, чему способствовали два следующих обстоятельства: 1) Фукидид никогда не указывает на свои источники; 2) логическая непрерывность его сочинения, являющаяся основным следствием софистической культуры, весьма осложняет их определение. Эти обстоятельства усугубляет тот факт, что в европейской науке, начиная с Томаса Гоббса, выпустившего в 1629 году английский перевод Фукидида, утвердилось особое отношение к труду Фукидида как к недостижимой вершине в мировой историографии вообще. Эта высокая оценка, с одной стороны, привела к тому, что творчество Фукидида стало объектом пристальных исследований, с другой стороны, однако, она породила внеисторический подход к Фукидиду, апофеозом которого можно считать сочинения Л. фон Ранке, который заменил исследования текста рядом общих фраз о бессмертии исторического метода Фукидида и т. д., отголоски которых встречаются в историографии по сей день. Взгляды Ранке оказали влияние и на таких крупных ученых, какими были Э. Мейер и Дж. Б. Гранди, которые рассматривали Фукидида в связи с этим вне связи с исторической наукой его эпохи, что отодвигало на задний план в первую очередь источниковедческие штудии. Новый этап в науке о Фукидиде озна-

⁹ Лурье. С.Я. Геродот. М., 1947. 207 с.

¹⁰ Levy E. *Hérodote philobarbaros ou la vision du barbare chez Hérodote*. 1992. 244 p.

¹¹ Hartog F. (*Le Miroir d'Hérodote. Essai sur la représentation de l'autre*. 1980. 392 p

¹² Redfield. J. *Herodotus the Tourist* // *Classical Philology*. 1985. № 80. P. 97-118.

меновала работа Арнольда Уикомба Гомма¹³, который был, безусловно, первым историком, исключившим из своей работы эмоционально–оценочный элемент, который наличествовал даже в подлинно–исторических трудах В. П. Бузескула¹⁴, С. А. Жебелёва¹⁵ или Дж. Б. Гранди¹⁶. В советской науке этот этап связан с работами К. К. Зельина¹⁷. В целом он дает возможность по–новому подойти к вопросу об источниках Фукидида и попытаться решить его на фоне умственного движения той эпохи, к которой Фукидид принадлежал. Вопрос об его источниках сам по себе является очень широким и комплексным. Фукидид говорит как о минувших, так и о современных ему событиях. В первом случае он в большей степени нуждается в предшественниках, чем во втором; вместе с тем на примере описания событий прошлого у Фукидида в большей степени может быть выявлена его оригинальность, принципы отбора и подачи материала, то есть та методическая основа, на базе которой создавался весь труд Фукидида. Изложение событий современной истории в этом труде уже для Кратиппа стало классическим, поскольку в своей работе он отталкивался именно от Фукидида, а поэтому источниковедческий анализ этой части «Истории», где переплелось множество самых разных, безусловно, противоречивых и, в основном, устных источников, может базироваться только на детальном изучении принципов отбора и трансформации у Фукидида тех повествовательных приемов, которыми он пользуется и т. д. Одна традиция в его повествовании наслаивается на другую, иной раз противоположную, все это соединяется с документальным материалом и подкрепляется единой концепцией, которой следует автор, и завершается во внешней непрерывности и логичности произведения.

При рассмотрении работ, непосредственно затрагивающих творчество Ксенофонта, заметим, что зарубежная историография, посвященная этому

¹³ Gomme A. W. A historical Commentary on Thucydides. 1945. 312 p.

¹⁴ Бузескул В. П. Фукидид и историческая наука XIX века // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. № 8. С. 83-90.

¹⁵ Жебелёв С. А. Фукидид и его творение. Фукидид. История. СПб., 1999. Приложения. С. 394-424.

¹⁶ Grundy G.V. Thucydides and the History of his Age. 1948. 553 p.

¹⁷ Зельин К. Из иностранной литературы о Фукидиде // Вестник древней истории. 1950. № 4. С. 414-422.

автору, гораздо обширнее отечественной. Наибольшее число работ, связанных с проблемами нашего исследования, направлено на изучение «Киропедии». Действительно, только в последней трети прошлого столетия мы видим перелом в изучении этого сочинения. Начиная с середины 1980-х гг. за относительно короткий промежуток времени выходят несколько монографий, предметом исследования которых является «Киропедия», тогда как ранее не было крупных работ, специально посвященных этому труду, хотя и привлекавшему внимание исследователей. В этих трудах образ царской власти Ахеменидов не рассматривался специально, однако некоторые разделы этих работ тесно связаны с проблематикой нашего исследования. В 1985 г. вышла монография С. Хирша¹⁸, часть которой посвящена «Киропедии». Изучая вопрос о том, как соотносятся между собой свидетельства «Киропедии» и реальные исторические факты, исследователь пришел к выводам, что на описание персидского государства в этом сочинении оказали влияние как иранские, так и греческие источники. По его мнению, в «Киропедии» содержится немало ценной информации о персидских реалиях, которая соответствует действительности, в том числе информация о государственном устройстве державы Ахеменидов.

Подводя итоги историографического обзора стоит сказать, что образ персов у Геродота изучался куда более тщательно, нежели у двух других авторов, с этим связан тот факт, что вся работа Геродота строится вокруг греко-персидских войн и взаимоотношения Запада и Востока, однако стоит отметить, что мало авторов серьезно сравнивали эллинов и персов в труде Геродота, у них не было задачи предоставить взгляд на персов со стороны эллинов, они скорее просто ориентировались на литературный образ персов в сочинении отца истории. Говоря о Фукидиде, стоит отметить, что в историографии образ персов в его труде отдельно вообще практически не рассмотрен, только если в связке с Геродотом, или же просто «образ варваров». Фукидид в целом не сильно сконцентрирован на персах в своей работе. Как бы-

¹⁸ Hirsch S. The Friendship of the Barbarians: Xenophon and the Persian Empire. Hanover; L., 1985. 232 p.

ло сказано выше, касательно образа персов у Ксенофонта, они рассматривались в общем и целом только в «Киропедии», по сути, вся книга посвящена персидским делам. Но образа персов в «Анабасисе» и «Греческой» истории практически не был затронут.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы и приложения.

ГЛАВА 1. ОБРАЗ ПЕРСОВ В ТРУДАХ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ИСТОРИКОВ

1.1 Образ персов в «Истории» Геродота

Варварами эллины называли всех, кроме себя. Изначально оценка варваров была нейтральной, но в ходе Греко-персидских войн варвары стали определяться как «другие»¹⁹. Потом это дошло до того, что Аристотель напишет «варвар и раб по природе своей понятия тождественные» (Аристотель. Политика. I, 5). Но Геродот в своей работе не допускает таких изречений, у него еще не такое сознание, он относится ко всем народам с должным уважением. Однако «отец истории» не знал языков тех стран, в которых путешествовал, у него были переводчики, ведь главным критерием варвара было незнание греческого языка, чужеземных богов он зовет эллинскими именами. Можно рассмотреть это как некое «эллинское высокомерие», «эллиноцентризм». Но, по всей видимости, у Геродота просто не было времени или желания изучать языки всех этих народов, а, может, и того и другого. Вообще автор восхищался Востоком, его мудростью и величием. Тем не менее, в труде Геродота существует поляризация эллин-варвар. Однако он не так много раз использует термин «варвар» в своем сочинении, по подсчетам Э.В. Рунга всего 203 раза²⁰. В основном, это слово мы встречаем, начиная с VI книги. Для такого большого произведения, посвященного Греко-персидских войнам, это не такая уж большая цифра. Для сравнения, Плутарх в своей небольшой работе «О злокозненности Геродота» использует слово «варвар» 42 раза, кстати говоря, там же он называет Геродота сторонником варваров (**φιλοβάρβαρος**) (XII). Геродот называет этим термином все войско, которое Ксеркс привел в Элладу, а все войско греков – эллинами. Еще есть непонятный эпизод, когда автор замечает, что Ксеркс, при бичевании Геллеспонта

¹⁹ Рунг. Э. В. Представление персов как варваров в греческой литературной традиции V в. до н. э. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2005. № 4. С. 130.

²⁰ Там же. С. 144.

говорит «варварские и нечестивые слова» (Геродот. VII, 35). Не исключено, что здесь это слово выступает в значении «грубые». Не стоит забывать, что варвары по греческим меркам это те, кто не воспринял эллинскую культуру, не говорит на языке греков²¹. Это не этническое обозначение, ведь сам Геродот был наполовину кариец, но должное воспитание и образование сделало его эллином.

Ко времени Греко-персидских Персия выступала в роли государства, погрязшего в роскоши, а Эллада, наоборот, в роли бедных «суровых воителей». В этом смысле показателен пример, когда Павсаний, эллинский военачальник, пришел в шатер к персидскому военачальнику Мардонию. Увидев в этом шатре много богатой утвари, Павсаний позвал других военачальников и сказал: «Эллины! Я собрал вас, чтобы показать безрассудство этого предводителя мидян, который живет в такой роскоши и все-таки пришел к нам, чтобы отнять наши жалкие крохи» (IX, 82). Также можно привести пример из диалога Демарата, спартанского царя в бегах, и Ксеркса. «Бедность в Элладе существовала с незапамятных времен, тогда как доблесть приобретена врожденной мудростью и суровыми законами. И этой-то доблестью Эллада спасается от бедности и тирании». Это показывает, что Эллада – это страна свободных доблестных мужей, а держава Ахеменидов несет ярмо рабства покоренным народам (VII, 102). В этом контексте следует привести следующий пример. Спартанские послы Сперхий и Булис добирались до Суз, столицы Персии, и по пути зашли в гости к персидскому военачальнику Гидарну и тот им сказал им: «Лакедемоняне! Почему вы избегаете царской дружбы? Вы можете видеть на моем примере, какое я занимаю положение – как царь умеет воздавать честь доблестным мужам. Так и вы, если предадитесь царю (царь ведь считает вас доблестными мужами), то он поставит каждого из вас, спартанцев, властителем области в Элладе». На это спартанцы ответили так: «Гидарн! Твой совет, кажется, не со всех сторон одинаково хорошо обдуман.

²¹ Земцова Е.Е. Становление концепции эллинства и утверждение эллинской идентичности в эпоху архаики и классики. // Вестник РГУ. 2017. № 1. С. 57.

Ведь ты даешь его нам, имея опыт лишь в одном; в другом же у тебя его нет. Тебе прекрасно известно, что значит быть рабом, а том, что такое свобода – сладка она или горька, ты ничего не знаешь. Если бы тебе пришлось отвесть свободы, то, пожалуй, ты дал бы нам совет сражаться за нее не только копьем, но и секирой» (VII, 135). Следует отметить, что персы тоже обладают доблестью, конечно, с эллинами несравнимой, но все же. «Ведь из известных мне народов именно у персов более всего в почете доблестные войны» (VII, 238), «Главная доблесть персов – мужество» (I, 136). Однако в описании Саламинского сражения сказано, что персы бьются отважно из страха перед Ксерксом (VIII, 86). У Геродота прослеживается противоречивый образ персов, такое ощущение, что он писал какие-то моменты, чтобы потом читать на публике и эти речи были более приятны для эллинского слушателя, а что-то никто не услышал, но прочитали ученые потом. Видимо, положительные отзывы о варварах Геродот читать не хотел, ну, или он мог их прочитать, но эллины все равно должны быть представлены в более лучшем свете, так как, по всей видимости, Геродот был действительно «филловарваром», по сравнению с теми, кому он все это зачитывал, люди бы не поняли его, говоря он чересчур хорошо о персах, но не гораздо лучше об эллинах. К примеру, Тигран, предводитель мидян в варварской армии, узнав, что наградой на олимпийских играх у эллинов считается венок сказал: «Увы, Мардоний! Против кого ты ведешь нас в бой? Ведь эти люди состязаются не ради денег, а ради доблести!» (VIII, 26). Выходит, что у персов, по этому сообщению, деньги важнее доблести. Геродот некоторые персидские обычаи находит достойными, хвалит их (I, 136-137). Потом сообщается, что у персов делать позорно, а именно «лгать и делать долги» (I,138), но в уста Дария, персидского царя, правда, на момент сказанного он еще не был царем, вложены вот какие слова: «Где ложь неизбежна, там смело нужно лгать. Ведь лжем ли мы иди говорим правду – добиваемся одной цели – [выгоды]. Одни, правда, лгут, желая убедить ложью и [затем] извлечь для себя выгоду, так же как другие говорят правду, чтобы этим также приобрести корысть и заслужить больше доверия.

Таким образом, мы стремимся [в обоих случаях] к одной цели, только разными путями. Если бы мы не искали выгоды, то, конечно, правдивый так же легко стал бы лжецом, как и лжец – правдивым. Итак, привратники, которые добровольно пропустят нас, вскоре получают награду.» (II, 72). Как персидский царь, да или просто перс может такое произнести? По всей видимости, это мысли Геродота, вложенные в уста Дария, но почему именно Дария? Трудно ответить. Однако, если Геродот жил таким принципом, то это очень странно, после этого иной раз хочется задуматься об искренности «отца истории». Возвращаясь к персам и эллинам можно отметить вот какой эпизод. Известно, что царь Ксеркс осквернил тело царя Леонида после битвы при Фермопилах. Так вот, после битвы при Платеях некий эгинец по имени Лампон предложил племяннику Леонида Павсанию отомстить за своего дядю и тоже отрубить голову и пригвоздить ее к столбу (IX, 78). На это Павсаний ему отвечал «Ты советуешь мне осквернить покойника, и если я это сделаю, то моя слава, как ты думаешь возрастет. А так поступать приличествует скорее варварам, чем эллинам, и за это-то мы их порицаем» (IX, 79). Таким образом, Геродот ставит моральные качества эллинов выше варварских. Но в «Истории» достаточно случаев, когда персы поступали по чести, были милосердны, однако хватает и сцен жестокости и глупости. Если смотреть фильмы «300 спартанцев» и «300 спартанцев: расцвет империи», то там персы представлены абсолютнейшей карикатурой, они словно полчища орков нахлынули на свободолюбивую Элладу. Те персы, что были там показаны не способны на добрые поступки, они явно не имеют положительных качеств, в «расцвете империи» все не так плохо, но все же. Можно было бы закрыть на это глаза, но такие прошумевшие фильмы создают мифы, которые глубоко вбиваются в общественное сознание. К примеру, в «Истории», есть место, где персидские воины оказали честь храбрецу по имени Пифей (VII. 181). Произошло это при Саламинском сражении, корабль Пифея был захвачен, но он не стал сдаваться и защищал свою жизнь и Элладу до тех пор, пока его не «изрубили в куски». Он уже не был в состоянии продолжать бой из-за много-

численных ран, и тут персы взялись его перевязывать раны, пытаются спасти его жизнь, затем они показывали этого бойца своим соплеменникам на других кораблях и прекрасно с ним обращались, правда, не сказано, что с ним было дальше, возможно, его отпустили, если он выжил после таких ран. Еще пример, персам в целом присуща черта оказывать уважение чужеземным богам и храмам. Персидские войска подплыли к острову Делос, местные жители, конечно, сбежали, так как соседние острова были покорены, но военачальник Датис передал жителям через глашатая следующие слова: «Жители священного острова! Зачем вы убегаете, подозревая меня в недостойных замыслах. Ведь я и сам настолько благоразумен, да и царь (Дарий I – Н.К.) приказал мне: отнюдь не разорять этой страны, родины этих двух божеств (Артемиды и Аполлона – Н.К.), и не обижать ее жителей. Так вот, возвращайтесь в ваши дома и живите на острове». Затем, возложив на алтарь 300 талантов благовоний, он воскурил фимиам» (VI, 97). Конечно, бессовестных поступков, которые совершали персы в геродотовском труде гораздо больше, но это не удивительно.

Самым добродушным персидским царем в «Истории» предстает без сомнения Дарий. Если даже Геродот считает, что Дарий простил бы такого врага державы персов как Гистией (VI, 30). Это один из главных интриганов вообще в сочинении Геродота, на него можно наложить вину в разжигании восстания в Милете, которым начинаются Греко-персидские войны, затем он открыто вел войну против Персии, предав всё доверие царя. Он был единственным, кто отказался разрушить мост, позволяющий Дарию вернуться из Скифии в Персию, а все потому, что хотел продолжать быть тираном, а им он мог быть только находясь под эгидой Дария (IV, 137). Также царь сделал много добра Метиохоу, сыну Мильтиада, «пожаловал ему дом, поместье и персиянку в жены». (VI, 31). Этот Мильтиад хотел разрушить тот самый мост. «Царь Дарий распалился на эретрийцев страшным гневом (еще до их пленения) за то, что они первыми начали борьбу с персами. Увидев теперь приведенных к нему эретрийцев в своей власти, царь не причинил им ника-

кого зла, но приказал поселить их в области Киссия в своем поместье по имени Ардерика. В этой местности они живут еще и до нашего времени и сохранили родной язык» (VI, 119). Но и Дарий бывает жесток. Он казнил всех трех сыновей перса Эобаза за то, что последний просил освободить от участия в походе на Скифию хотя бы одного из них (IV, 84). О Дарии сказано достаточно, однако он тоже делал жестокие вещи, но они несравнимые с Ксерском или Камбисом. Последний предстает в образе безумного царя, который только и делает, что зверствует, но, по всей видимости, Камбис не был таким в действительности, Геродот получил искаженную информацию от египетских жрецов, которые сделали из него чудовище. В припадке безумия он избил свою беременную жену Роксану (которая была его младшей сестрой), да так, что та преждевременно начала рожать и от этого умерла. Потом он из лука застрелил сына своего доверенного человека Прексаспа, велел без всякой веской причины схватить двенадцать знатнейших персов и с головой закопать живыми в землю, а также хотел казнить и Крёза, своего советника и наставника, лишь за то, что тот сделал ему по этому поводу замечание. Верные слуги укрыли Крёза и, хотя в дальнейшем Камбис простил Крёза, все слуги за послушание были казнены. Также Камбис осквернил труп египетского царя Амасиса «Именно, вступив во дворец Амасиса, он повелел выбросить из усыпальницы тело царя. А когда это было исполнено, Камбис велел бичевать тело, вырвать волосы, исколоть, словом, всячески осквернить. Камбис приказал предать мумию огню. Это было нечестивое, безбожное повеление» (III, 16). Что же касается Ксеркса, то он выступает в «Истории» в менее негативном ключе, нежели Камбис, но до справедливого царя Дария не дотягивает, он как бы посередине. В статье Э.В. Рунга и Е.А. Чиглинцева делается вывод, что «образ Ксеркса у Геродота в основном более предосудительный, чем образ Дария».²² Но мы можем дополнить это, показав, что Ксеркс выгля-

²² Рунг Э.В., Чиглинцев Е.А. Darius versus Xerxes: Образы Дария I и Ксеркса в древнеперсидских надписях и в произведениях Эсхила и Геродота // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2018. №4. С. 147.

дит несколько неудачником и действительно плохим человеком. Ксеркс проиграл Греко-персидскую войну с позором, так как не добился никакого успеха, кроме взятия Афин. Битва при Саламине была проиграна, а ведь это было генеральное сражение, еще можно учесть тот факт, что у Ксеркса было большое численное превосходство, но, по всей видимости, не было умения управлять войсками. Это был слишком надменный и тщеславный человек. Если взять момент, когда Ксеркс возвращается на корабле из Эллады в Азию, то там он, испугавшись шторма пожертвовал людьми на корабле, хоть и по совету кормчего, лишь бы спасти свою жизнь, а после того, как подплыли к берегу отрубил голову кормчему за то, что тот «погубил слишком много персов» (VIII, 118). Еще в этом эпизоде прослеживается отношение персов к своему царю как божеству, таких свидетельств достаточно у Геродота, но это самый показательный. Еще один сюжет в геродотовом труде, который заканчивается словами «это мой рассказ о **страсти** Ксеркса и **смерти** Масиста» (IX, 113). Из-за плотских желаний Ксеркса погиб его брат Масист вместе с сыновьями, была изувечена жена Масиста. Ксеркс повел себя не просто бесчестно, а максимально гнусно.

Подводя итоги параграфа, отметим основные ее моменты. Изначально персы были представлены «суровым» народом, в связи с этим они проявляли военную смекалку, как и эллины в дальнейшем, будучи на их месте. Затем после завоевания Лидии персы «размякли», но все равно могли одерживать победы, в их народе более всего ценились доблестные воины, у них порицалась ложь и накопление долгов. Эллины выступают более доблестными воинами, нежели персы. Также находим, что у эллинов моральные качества выгодно отличаются от персидских. Тем не менее, персы тоже в состоянии проявлять милосердие и уважение к отдельным воинам (Пифей), они уважают чужеземных богов. Однако, как мы полагаем, Геродот эти положительные моменты не зачитывал народу, он давал картину, при которой эллины на голову выше персов по всем параметрам, даже если брать моменты доблести, Геродот ведь нам сообщал, что персы сражаются храбро из страха перед

Ксерксом (VIII, 86). Также мы увидели у Геродота образ Дария как самого добродушного правителя, проиллюстрировали это примерами. Слегка затронули Камбиса, он предстает перед читателями и слушателями «Истории» как безумный правитель, жестокий и безбожный. Ксеркс выглядит неудачником во всех смыслах, он то безумный, то добродушный, одним словом, непостоянный, еще и эгоистичный донельзя, а также как, мы отметили, любострастный, а еще ко всему прочему не самый талантливый военачальник, мягко говоря.

1.2 Образ персов в «Истории» Фукидида

Изображение Персии у Фукидида неразрывно связано с его ответом Геродоту, который поставил персов в центр своего повествования. Младший историк прекрасно понимал, что для греков его времени, поскольку они вступали в долгую взаимную войну, которую он описывает, наиболее яркая культурная память касалась их сопротивление персам, от которых они получили богатство все еще актуальной парадигмы. Более того, после поражения Ксеркса Персия продолжала существовать как соседняя держава, которую континентальные греки, возможно, первоначально считали маргинальной, но которая в конечном итоге стала арбитром в их собственной войне.

Уже в своем первом предложении, где он заявляет, что Пелопоннесская война затронула как греков, так и часть негреческого мира, и «так сказать, большую часть человечества» (1.1), Фукидид, кажется, сигнализирует какую роль Персия будет играть после 412 г. до н. э. С другой стороны, здесь и в последующих вводных главах. Фукидид смотрит не вперед, а назад, как он подчеркивает, чудовищность «его» войны по сравнению с предыдущими. Персия была великая держава (1.16) и вторжение Ксеркса представляло время опасности для Греции (1.18). Но для читателей, которые в ретроспективе были склонны считать персидские нападения на Грецию достойными награды за Великий исторический водораздел всех времен, Фукидид сводит ее к

минимуму в количественном выражении: в конце концов, это было недолгое событие, которое быстро решилось в двух морских и двух боях на суше (1.23). У Фукидида упоминания персидских войн в основном встречаются в речах как средства для получения дипломатического преимущества в международных спорах непосредственно перед или во время нового греко-греческого конфликта. Преобладают две совпадающие темы. Один из них – усиление или обесценивание роли разных городов во время греческого сопротивления. Противопоставленные факты и интерпретации, выдвинутые в фукидидовских речах, проявляются как нити, переработанные из ткани всестороннего повествования Геродота, но здесь они кажутся расчлененными и реконтекстуализированными, факт, подчеркивающий различие, которое и Геродот, и Фукидид проводят по-своему, между исследованием и риторическими попытками извлечь выгоду из прошлого. Однако такие аргументы обычно неэффективны в современных переговорах: большинство ораторов Фукидида, которые превозносят Персидскую войну и свою роль в ней проигрывают дебаты. Несколько ораторов с обеих сторон, кажется, признают неуместность темы, когда они более или менее явно отказываются перефразировать это событие. Вторая тема фукидидовских дискурсов – предложить структурные аналогии между прошлым Персидской войны и нынешними обстоятельствами. Коринфяне изображают Афины как полис-тиран, который побеждает, а не освобождает греков, и представляют Афины как непохожие на то, что было раньше и больше склонны к Персии (1.68, 122. 123.). Проафинские ораторы, напротив, подчеркивают преемственность между смелыми афинянами, которые сели на корабли и победили персов, и их современными потомками, которые «становятся островитянами», чтобы противостоять пелопоннесским вторжениям, или могут сражаться на многих фронтах одновременно.

Фукидид неохотно делает явные сравнительные ссылки. Помимо пренебрежительной оценки в 1.23, мы находим еще только два упоминания персидской войны в книгах 1-7. Заявление Фукидида о том, что афиняне в пред-

двери первого пелопонесского вторжения были оскорблены тем, что им пришлось покинуть свои фермы, «которые они только что восстановили после мидийской войны» (2.16), переформулирует параллель Перикла с эвакуацией Аттики во времена Ксеркса. (1.144), сосредоточив внимание на возобновлении и умножении болезненного опыта. Во второй ссылке сравниваются спартанские гоплиты в Сфактерии, которые в конечном итоге сдались врагу, со спартанцами в Фермопилах, которые погибли, защищая перевал (4.36.). «Этот ясный намек на Геродота, подчеркнутый извинением в манере Геродота за сравнение «малого с большим» представляет собой ранний признак того, что Фукидид оценил моральный аспект войны, который более четко проявится в его описании Сицилийской экспедиции. Там явные ссылки говорящих на вторжение Ксеркса (6.17. 33, 83) интегрированы в структуру повествования, проинформированную интертекстуальностью с Геродотом.

Фукидид в своей работе не сосредотачивается на Персии как таковой: ее масштабах, ресурсах, инфраструктуре, царях и т.д. У Фукидида отсутствует интерес к варварам, к тому же он испытывает идеологическую неприязнь к Геродоту, который так много о них писал, и его историческому методу. Это тоже стоит учитывать при изучении «персидского» вопроса у Фукидида. Согласно синоптическому взгляду Фукидида на различные театры, негреческие народы остаются на обочине, больше являясь объектом косых взглядов, когда греки имеют дело с ними, чем любопытных взглядов. Даже его сицилийская вставка (6.1-6), хотя и представляет собой во многих отношениях литературный маневр Геродота, не является этнографией в духе Геродота. Лишь изредка Фукидид описывает иностранные обычаи синхронно, так же, как и в историческом повествовании законы и традиции иностранцев обычно не фигурируют среди наиболее убедительных мотивов или причин. В его изображении варваров ничто не сравнится с его исследованием этоса и этнической идентичности афинян, спартанцев, дорийцев, ионийцев или других греков. Частичное исключение представлено в трактовке Фукидида Фракии, где у него были семейные связи и собственность. Фракийцы являются предметом

этнографически информативного отрывка (2.95-101), который включает каталог племен (2.96); измерения расстояний («за самые быстрые четыре дня и четыре ночи для торгового судна с задним ветром на всем пути, в то время как по суше человек, путешествующий налегке по кратчайшей дороге, может добраться от Абдеры до Дуная за одиннадцать дней», 2.97 .1-2); «и перечисление дани и даров, выплаченных одрисскому царю и знати золотом и серебром, вышитой тканью и другими предметами (2.97.3). Все это достойно скифских и фракийских логосов Геродота или его каталога дани персидских сатрапий, показывающего, что может сделать Фукидид, когда он «побывал там». Это обсуждение дани, однако, приводит к сообщению о местном фракийском обычае, который показывает идеологическую дистанцию Фукидида с точки зрения Геродота: *«В противоположность обычаям персидского царства, у них (как и вообще во Фракии) считалось благопристойным лучше брать, чем давать, и более постыдным отказать другому в просьбе, чем самому получить отказ.»* (2.97). Здесь Фукидид объясняет, как империя Шакса выросла до такой степени, что ее можно было бы сравнить с Персидской, благодаря сложной системе данников. Но, используя обратную параллель, он, кажется, переходит от темы имперских доходов к теме взяток: одрисяне берут, так же как персы печально известны дарителями (особенно грекам). В отличие от Геродота, Фукидид не является объективным этнографом и выступает скорее, как государственный деятель и бизнес-магнат («можно ничего не делать без подарков»). Точно так же его обобщение о трусости и свирепости фракийцев в описании бойни в Микалессе (7.29) резко выражает презрение к не-грекам, с которыми он имел дело напрямую.

Помимо книги 8, наибольшее количество ссылок на персов о периоде после Персидских войн у Фукидида встречается в двух аналептических повествованиях книги 1, Пентеконтэтии и экскурсе Павсания и Фемистокла. В первом отрывке рассказывается о росте власти Афин с 479 до 434 г. до н. Э. Он является предварительным к рассказу Фукидида о войне и не претендует на детальность или полноту. Здесь персы маргинальны: несмотря на то, что

эти события даже дальше от темы Геродота, чем от Фукидида, разрозненные ссылки Геродота предоставляют больше информации о персидских событиях в период между двумя войнами. Фукидид сообщает нам, что предлогом для основания Делосского союза было возмездие против персов. В последующем описании афинские отношения с персидскими интересами занимают лишь около трети от общего числа, а остальную часть составляют военные или дипломатические действия с участием других греков. В качестве выборочного примера характера деятельности Лиги в первые годы ее существования Фукидид начинает с перечисления агрессивных операций в четырех местах: Эйон, Скирос, Карист и Наксос (1.98). Последнее из них является поводом для важных размышлений Фукидида о подчинении Афин мятежных членов Лиги (1.99). Первый, единственный фрагмент, в котором напрямую участвовали персы, очень краток: под предводительством Кимона афиняне забрали Эйон у мидян и поработили его жителей.

О персидских операциях, связанных с войной в Египте, Фукидид, кажется, хорошо осведомлен. Он сообщает (предположительно секретную) королевскую миссию некоего Мегабаза, который пытался подкупить спартанцев для вторжения в Аттику, и он упоминает генерала персидской армии в Египте, Мегабиз, сын Зомира (1.109). У Геродота Зомир отвоевывает Вавилон во время правления Дария; Геродот также упоминает Мегабиза (подтверждая роль, которую Фукидид приписывает ему в Египте), а также сына Мегабиза Зомира (3.160). Этот молодой Зомир вполне мог быть одним из источников Геродота по вопросам персидской истории. Но поскольку, по словам Геродота, он перешел на сторону афинян, он, возможно, также говорил с Фукидидом о недавних событиях, включая энергичную попытку персов восстановить контроль над Египтом под командованием своего отца. Если так, то Фукидид не полностью использовал эту возможность. Он ничего не говорит о первоначальном восстании Египта из Персии, за исключением того, что это было поводом для вмешательства Делосской лиги в поддержку Инароса. Геродот, напротив, поднимает это восстание еще три раза в дополнение к только что

процитированному отрывку (3.160) Сказав, что на месте, где Камбис победил Псамменита в 525 году, он увидел доказательство того, что персидские черепа мягкие, а египетские черепа очень твердые, Геродот добавляет, что он смог подтвердить это явление «среди тел мертвых в Папремисе, где Ахемен, сын Дария, был побежден Инаросом Ливийским (3.12). Фукидид, со своей стороны, обращает внимание на персов только постольку, поскольку они потенциально затрагивают интересы Греции. На побережье Азии в частности, фракции в городах Афинского союза нередко обращались за помощью к соседним сатрапам. Фукидид опускает большинство этих случаев, но последний персидский Отрывок в его «Пентеконтаэтии» сообщает, что во время отделения Самоса персидский наместник Сард, Писсуфн, сын Гистаспа, поддерживал мятежников. В этом случае афиняне были обеспокоены скорым прибытием финикийского флота, который, однако, так и не появился (1.115). Более впечатляющими, хотя и столь же безрезультатными были более ранние интриги Павсания и Фемистокла с персами.

Козни Павсания и Фемистокла, посольство Мегабаза в Спарте (1.109) и поддержка Писсуфном восстания на Самоса (1.115) уже предполагают обстоятельства будущего персидского вмешательства в Грецию. Греческие лидеры могли иметь свои причины для заключения сделок с персидскими чиновниками. Последние имеют обильные ресурсы и, возможно, захотят потратить их на продвижение своих интересов, поскольку их раздражает присутствие афинян на азиатском побережье. Этот пример будет выдвинут на передний план в книге 8 Фукидида. Здесь мы рассмотрим более ранние фазы этого вовлечения. С самого начала войны, по словам Фукидида, и пелопоннесцы, и афиняне планировали дипломатические миссии чтобы получить помощь персидского царя (2.7). В частности, спартанцы формулируют свою политику на ранней стадии, когда Архидам оборонительно утверждает, что, столкнувшись с опасностью Афин, спартанцы оправданы в попытке «обзавестись союзниками как греками, так и варварами» (1.82). На втором году войны мы узнаем о посольстве пелопоннесцев, который был отправлен в Персию, что-

бы просить денег. На пути в Азию послы посещают фракийского царя Ситалка, где, однако, они переданы некоторым афинским послам, присутствующим при дворе Ситалка. Спартанцев привезли в Афины и казнили без суда и следствия (2.67). Рассказ Фукидида подчеркивает это афинское нарушение международной конвенции, которая показывает хрупкость человеческих и божественных законов под давлением войны. Но второстепенная тема – жалкая судьба послов Пелопоннеса, которые, в отличие от своих героических предков, которых прославлял Геродот, ни достичь места назначения не сумели и домой не вернулись.

Третий и последний эпизод Архидамой войны с участием персов относится к седьмому году (зима 425/4 г.), когда афинский военачальник во Фракии перехватывает Артаферна, персидского посланника, направлявшегося в Спарту. В Афинах переводят послание, которое он несет: царь, как говорилось, не понимал, чего хотели лакедемоняне; было много послов, но все они говорили разное; если они желают ясно объясниться они должны послать к нему других послов с этим персом (4.50). Спартанцам, конечно, нужны персидские деньги, и они, должно быть, знали, что царь взамен ожидал территориальных обещаний. Но они называют себя освободителями Эллады и не могут однозначно предложить Персии в обмен свободу азиатских греческих полисов, отсюда и длительный разрыв в общении. Ирония судьбы ощутима, потому что традиционно именно спартанцы проявляют недоумение по поводу дипломатических ухищрений иностранных послов, которые к ним прибывают.

Афины, как и Спарта, надеялись получить финансовую поддержку. Фукидид не упоминает никаких конкретных случаев афинских посольств, за исключением афинских послов, ответственных за сопровождение Артаферна обратно в Азию в 4.50. Эти люди намереваются добиться аудиенции у царя, предположительно, чтобы противостоять спартанской дипломатии, но вернувшись домой, узнают о смерти Артаксеркса. (весна 424 г. до н.э.). Есть некоторые свидетельства того, что афиняне отправили еще одну миссию в сле-

дующем году. Таким образом, вероятно занижая контакты Афин с Персией во время Архидамовой войны, Фукидид предпочитает обратить внимание на три инцидента с участием спартанцев, которые закончились неудачей и указывают на несостоятельность спартанцев за рубежом. У спартанцев нет последовательной международной политики, которая могла бы мотивировать персидского царя, им не хватало стремления к заграничным кампаниям, и они совершенно неспособны убеждать, общаться, вести переговоры или даже грамотно передвигаться за границами греческого мира. В результате Персия остается в стороне от боевых действий до тех пор, пока ослабленные Афины и Спарта не превратят ее в главного игрока в греческой войне.

Повествование Артаферна в 4.50 отмечает момент, когда Фукидид почти полностью перестает смотреть в сторону Персии, когда он сообщает о последних годах Архидамовой войны и о Никиевом мире. В книге 8, после поражения на Сицилии, Афины наращивают новые силы, в то время как в Восточном Эгейском море две новые партии готовы воспользоваться их слабостью с помощью Пелопоннеса: в то время как ионийцы видят возможность обрести свободу от Афин персы стремятся снова подчинить ионийцев своему правлению. Эти взаимодополняющие цели объединяют две персидские нити, которые отдельно проявились в более ранней части творчества Фукидида, а именно представление Персии «сейчас» и память о персидской войне прошлого, начиная с Ионийского восстания 499 года до н.э. В отличие от предыдущих (безуспешных) спартанских миссий в Персию теперь Фукидид последовательно сообщает о двух различных инициативах персов по контакту с греками. Сначала хиосцы и эритрейцы прибывают в Спарту, забирая с собой посла из Тиссаферна, который приглашает пелопоннесцев в Азию и обещает финансовую поддержку (8.5). Примерно в то же время Фарнабаз, сын Фарнака, коллеги Тиссаферна на севере, отправляет в Спарту некоторых греческих изгнанников, живших при его дворе, с просьбой доставить пелопоннесские корабли к Геллеспонту. Оба сатрапа надеются получить спартанский союз для царя, чтобы побудить города в своих провинциях восстать против афи-

нян и таким образом вернуть себе дань (8.6). В то время как Фарнабаз происходит из рода сатрапов Даскилеона, знакомого читателям Фукидида, Тиссаферн, представленный без отчества, возник совершенно неожиданно. Появление персов в книге 8 действительно тем более внезапно из-за того, что Фукидид решил не сообщать нам о соответствующих персидских событиях, которые произошли после смерти Артаксеркса (о которой он упоминал в 4.50), включая восстание Писсуфна. Писсуфн был побежден и заменен Тиссаферном. Фукидид также не предупредил нас заранее о возможной связанной с этим ситуацией, о продолжающемся восстании в Карии сына Писсуфна, Аморга, который, как мы обнаруживаем, позже сражался на афинской стороне. Мы впервые слышим о восстании Аморга в повествовании о посольстве Хиана в Спарте и лишь косвенно, через сообщение Фукидида о мысли Тиссаферна. Это нетривиальное событие, потому что помимо его стремления вернуть дань из греческих городов в своей провинции Тиссаферн, желание захватить или убить Аморга, очевидно, является одной из причин его желания присоединиться к пелопоннесской стороне в войне (8.5). Но Персия, которая с этого момента играет такую важную роль в повествовании Фукидида о греческой войне, не является описываемой Геродотом великой империей, мультикультурным домом далеких столиц, проводящим глобальную политику, руководимую царем. Это скорее периферийное пространство своих самых западных провинций, где царь присутствует только как удаленная власть (или ограниченная) в документах и дипломатических беседах. Аналогичным образом, в более ранней отрывке, который свидетельствует об осознании Фукидидом роли Персии в окончательное поражение Афин, он не говорит ни о Персии, ни о царе так, как о центральном исполнителе, но в более ограниченном виде, как «сын царя Кира, который финансировал Пелопоннесский флот» (2.65.). Два сатрапа из книги 8, Тиссаферн и Фарнабаз, не имеют особых культурных черт или вообще особо не выделяются. Они скорее напоминают многих интригующих греков с фанатичными интересами и ограниченным контролем, которых много в этой части повест-

вования. Как добыть деньги – вот какую проблему все пытаются решить! Фукидид не упоминает персидские обеды или груды серебра и золота, как Геродот или как сам Фукидид в эпизоде Павсания-Фемистокла и в его описании одрисского богатства. Красочное высказывание, которое Алкивиад приписывает Тиссаферну, – что он не оставит афинян без платы, даже если ему придется продать свою постель (8.81), – выглядит как словесная уловка не самого умелого оратора. Для самого Фукидида персидские сатрапы – просто прагматичные руководители, осторожно относящиеся к своим инвестициям и стремящиеся вернуть доходы от городов в своих провинциях.

1.3. Образ персов в работах Ксенофонта

Принято считать, что этническая идентичность эллинов сформировалась еще в архаическую эпоху с закреплением в эллинской культуре «эллинско-варварской» дихотомии. Период между архаической эпохой и эллинизмом можно представить как процесс перевода уже реализованного этнического единства в политическую плоскость. Среди факторов, способствующих этому, прежде всего следует выделить отношения между эллинами и персидской державой. В связи с этим отражение греко-персидских контактов в исторической литературе Эллады представляет особый интерес. Отправной точкой здесь, несомненно, должна быть работа Геродота. Именно "отец истории" впервые представляет разницу между эллинами и персами в таком большом масштабе, что возникает ощущение раскола в мире: с одной стороны, Азия во главе с персами, а с другой – Эллада. Очевидно, что победы Геродота в греко-персидских войнах являются следствием единства эллинов перед лицом угрозы со стороны Ксеркса.

Среди авторов, следующих за Геродотом, работа Ксенофонта «Анабасис» имеет особое значение для решения этой проблемы. В изображении этого историка Азия значительно отличается от представления у Геродота. Ксенофонт сохраняет противопоставление "эллинов-варваров" на протяжении

всего текста и, конечно же, изображает Азию в целом под властью персов. В тексте «Анабасиса» можно выделить моменты, которые как препятствуют, так и способствуют вышеупомянутому процессу, этнополитической консолидации Эллады.

Отсутствие политического единства Азии представлено Ксенофонтом, с одной стороны, в описании династических конфликтов (Кир-Артаксеркс), а с другой стороны, в упоминании о присутствии в Азии племен, которые не подчинялись царю (кардухи, таохи, халдеи, макроны (V.5.17-18). Упоминание макронов особенно примечательно, поскольку эллины заключают с ними союз (V.8.4-7). Кроме того, в «Анабасисе» также упоминается мятежный персидский Египет (II.1.14). Картину политической разобщенности Азии, в отличие от процесса консолидации Эллады, следует рассматривать как двойственный фактор: с одной стороны, политические потрясения в Азии ослабляют ее по отношению к эллинам и, следовательно, не требуют объединения, а с другой – облегчают решение проблемы эллинской экспансии на восток.

Все моменты «несходства» эллинов и персов в «Анабасисе», вероятно, следует отнести к факторам, способствующим консолидации Эллады. Поведение Тиссаферна и Артаксеркса показательны в этом отношении: после убийства эллинских стратегов они действуют как безбожники и клятвопреступники (III.2.4). Сюда следует отнести и те части текста, в которых говорится о превосходстве эллинов над персами. Самая показательная сцена здесь – военный парад, устроенный Киrom (I.2.15-18).

Идея греческого единства перед лицом персидской угрозы наиболее ярко проявляется в изображении эллинов, оказавшихся в экстремальных ситуациях: после смерти принца Кира и после смерти стратегов. Обращаясь к прошлому Эллады, Ксенофонт говорит, что нынешние персы – потомки тех, кто уже однажды потерпел поражение от эллинов (III.2.9-16). Одно из основных различий между эллинами и персами для автора «Анабасиса», как и для Геродота, заключается в том, что у греков есть свобода, а у персов – нет. Кир Младший говорит об этом (1.7.3), тот же Ксенофонт сам говорит об этом в

речи после смерти стратегов (III.2.13), эта идея также передается через отношение персов к своим вождям. После смерти Кира верные ему персы переходят на сторону Артаксеркса, в то время как эллины сами выбирают новых после смерти стратегов.

Таким образом, Ксенофонт в «Анабасисе» описывает отношения между персами и эллинами, безусловно, с точки зрения идей, заимствованных у Геродота. В то же время, в отличие от "отца истории", Ксенофонт не представляет Азию как единое политическое образование, находящееся под властью персов. Только в описании самых экстремальных ситуаций конфликт между отрядом наемников и Артаксерксом предстает перед нами в целом как конфликт между Элладой и Персией. Различие в представлении Ксенофонта о персах и в предшествующей ему исторической традиции, вероятно, можно объяснить изменением самой исторической ситуации.

Рассматривая «Киропедию», прежде всего следует иметь в виду, что в то время не существовало жанра художественного повествования, подобного жанру этого произведения. Таким образом, «вымышленные» произведения Ксенофонта «Пир» и «Киропедия» заслуживают гораздо более высокой оценки, чем то, что им обычно приписывают.

Ксенофонт задумал «Киропедию» в чрезвычайно широком плане: в ней он хотел прежде всего изложить свои политические взгляды, но также затронуть и другие вопросы философии и морали: о мужестве, сдержанности, послушании, дружбе и верности, красоте и любви и т. Д. В то время как «Киропедия» – это книга, в которой он излагает свои политические взгляды, он также хотел затронуть другие вопросы философии и морали: о мужестве, сдержанности, послушании, дружбе и верности, красоте и любви и т. д. Кроме того, он намеревался дать много чисто практической информации о военном искусстве: о видах оружия, о расположении войск, о военной подготовке, о боях на колесницах, о кавалерии, о тактике наступления и отступления. И, наконец, он хотел дать занимательное произведение, в котором, как и на

фестивале, все моральные соображения и техническая информация были бы представлены в беседах или в повествовании.

Много раз после Ксенофонта ставилась задача написать поучительный роман, и неудивительно, что Ксенофонт не создал совершенного произведения, но что его книга, первая в своем роде, все же намного интереснее многих поучительных романов XVIII века. «Киропедия» заслуживает названия романа. Это первый историко-политический роман.

В истории литературы иногда отмечается, что название «Киропедия» («Воспитание Кира») не в полной мере соответствует его содержанию, поскольку описывает не только образование Кира, но и его дальнейшую государственную и военную деятельность. Однако это обвинение справедливо только в том случае, если под «образованием» понимается только воспитание ребенка или подростка в возрасте от 14 до 15 лет, а греческий термин παιδεία (и действительно, русский термин "воспитание") гораздо шире: он охватывает всю сферу формирования характера, которая выходит далеко за рамки образования. Детство и даже юность; воспитание в этом смысле слова в основных чертах завершается, когда характер сформировался, когда можно определить, какой человек получился из ребенка или юноши. «Киропедия» полностью соответствует этой задаче. В нем рассказывается о юном Кире перед окончанием его великой кампании в Вавилон; вся его дальнейшая жизнь кратко описана в Книге VIII, которая является эпилогом; этот эпилог был призван только подтвердить, что Кир оставался верным себе до самой смерти, что его характер, сформированный его παιδεία, сохранялся до конца его жизни. была сохранена и нашла свое воплощение в его государственной деятельности.

Истинная историческая основа «Киропедии», конечно, очень незначительна. Образ Кира Старшего был выбран Ксенофонтом потому, что легендарная слава о его подвигах и разумном правлении в Персии действительно сохранилась, и возможно, что Ксенофонт включил в свой роман некоторые персидские рассказы и анекдоты о Кире, но в основном типичный образ иде-

ального правителя и полководца был создан в результате его деятельности в персидской империи, и в этом случае он, возможно, использовал некоторые персидские истории и анекдоты о Кире, но, по сути, типичный образ идеального правителя и полководца был созданный Ксенофонтом на основе лучших качеств его любимых военных героев – Фемистокла, Агесилая и Кира Младшего.

Прототипом для очень ярко нарисованной фигуры Кира в детстве мог служить любой мальчик, воспитанный в спартанском стиле, даже собственные сыновья Ксенофонта; но Ксенофонт привнес немало черт, которые он восхвалял в своих сочинениях о Сократе, в изображение образа взрослого Кира. «Киропедия» разделена на 8 книг. В книге I после политического введения (глава 1) рассказывается о методе воспитания мальчиков в Персии (фактически в Спарте), о детстве Кира, которое он провел у своего деда, царя Мидии Астиага, о его первой охоте, о его участии в битве с ассирийцами и о его возвращении в Египет. сообщили в Персию. Опуская образ развития Кира как подростка и юноши, Ксенофонт завершает Книгу I долгим разговором между Киrom и его отцом Камбисом перед тем, как отправиться в крупную кампанию против Ассирии. В следующих книгах (со II по VII) Ксенофонт рассказывает об этой кампании; однако основное внимание здесь уделяется не истории военных операций, которая, конечно, не совсем точно отражает историю подлинных войн Кира, а тому, как характер Кира раскрывается в самых разных положениях, а его мировоззрение развивается. Книга VIII, как уже упоминалось, является эпилогом; он начинается с общего описания Кира, кратко рассказывает о свадьбе Кира и его друга, и помощника Гистаспа и заканчивается смертью Кира и моральными выводами от имени автора, что представляет собой резкую критику разложения морали в Персии, которое, по словам автора, произошло из-за того, что персы разрушили все на своем пути. изменили то, чему их учил Кир. «Киропедия» – это прежде всего политическое произведение, оправдание монархии. Ксенофонт четко разъясняет эту цель своего романа в 1-й главе Книги I. Ход его мыслей вкратце таков.

Он начинает с наблюдения хрупкости политических форм – демократии, олигархии и тирании – и нежелания людей подчиняться какому-либо руководству, в то время как животные подчиняются ему без сопротивления, «и мы никогда не слышали о стаде, которое восстает против своего пастыря» (I, 1). Ксенофонт сводит людей к скоту, Ксенофонт считает, что люди – «самая трудная порода животных для управления». Однако в обширной монархии Кира этому правителю якобы удалось объединить не только многих людей, но и множество народов, которые «не говорили на его языке и не понимали друг друга». Ксенофонт не сопротивлялся Киру не потому, что они боялись его, а потому, что любили его. Ксенофонт сводит основные мотивы послушания к этой сомнительной формуле о любви народов к Киру и приходит к выводу, что «управление людьми, очевидно, вовсе не является невозможным и даже слишком трудным делом, если взяться за это с умением». Ксенофонт ставит своей главной задачей выяснить, как Кир использовал это «умение» для достижения своей цели.»; вот почему он говорит: «Мы попытались выяснить все о его происхождении, его природных данных и его воспитании, которые доставили ему такое высокое место в искусстве управлять людьми». Итак, главная задача Ксенофонта в этом романе, как и в «Домострое», – решить вопрос о том, что нужно для того, чтобы иметь возможность – в одном случае управлять собственным хозяйством, в другом – государством. Между ними, как уже говорил Ксенофонт в «Домострое», он не видит принципиальной разницы и ставит знак равенства между правителем огромной страны и частным собственником. Подобно тому, как, согласно Киру, частным домашним хозяйством должен управлять господин, и все члены семьи и рабы должны подчиняться ему, так и для государства наилучшей формой правления является единоличная власть «разумного» монарха.

Согласно Ксенофону, эту способность можно приобрести двумя способами. В беседе Кира со своим отцом, которая является крупнейшим систематическим изложением политических взглядов Ксенофонта во всей «Киропедии», Кир говорит: «Что касается способности заставлять солдат повино-

ваться, мне кажется, отец, у меня есть некоторый опыт в этом: с детства ты учил меня подчиняться тебе, и когда ты передал меня учителям, они сделали то же самое... Большинство наших законов, как мне кажется, не учат ничему, кроме этих двух принципов – приказывать и подчиняться. Вот почему я верю, что лучший способ заставить людей повиноваться – это хвалить и вознаграждать за послушание, унижать и наказывать непослушание» (I, 6). Однако отец Кира отвергает этот метод послушания, который Кир назвал недостойным, и советует ему выбрать другой способ подчинения. Выбирая, описывая это чисто сократически: «Несомненно, – говорит он, – можно пойти по этому пути (о котором говорил Кир) если ты хочешь, чтобы тебя слушались против твоей воли; но... чтобы добиться добровольного послушания, есть гораздо более короткий и, более того, гораздо лучший способ: если люди думают, что кто-то лучше их знает, что для них полезно, они подчиняются ему добровольно». Затем отец Кира приводит ряд примеров, основанных на аналогиях, общими для сократовского метода являются: об повиновении врачу, рулевому, проводнику. На вопрос Кира: «Итак, отец, ты говоришь, что нет лучшего способа заставить тебя повиноваться, чем казаться более умелым, чем те, кому ты приказываешь?», Отец отвечает утвердительно, но исправляет выражение Кира «казаться более умелым», заменяя его на Слова «быть более искусным» и снова приводит ряд примеров сократического характера (нельзя долго казаться искусным наездником, врачом, флейтистом, не будучи таковым и т. Д). Показав этот способ достижения послушания, отец Кир учит его, как добиться расположения подчиненных: «Чтобы быть любимым теми, кто вами командует, что мне кажется наиболее важным, вы должны пройти тот же путь, как если бы вы хотели, чтобы ваши друзья любили вас: Понятно, что мы должны делать им добро. Это правда, сын мой, трудно всегда делать добро тому, кому хочешь, но делиться радостью со счастливыми, горем с несчастными, спешить, помогать им в их трудностях, бояться успеха их планов, стараться делать их мудрыми, чтобы помочь им в их трудностях, и т.д. Это правда, сын мой, трудно всегда делать добро тому, кому ты хочешь, но

делиться радостью со счастливыми, горем с несчастными, торопиться, помогать им в их трудностях, бояться успеха их планов, стараться удерживать от неудачи – вот явные доказательства взаимной привязанности» (I,6). Поглощенный интересом к морали правителя, Ксенофонт уделяет относительно мало внимания роли, которую законы играют в управлении государством, в «Киропедии». Только однажды, в разговоре с маленьким Киром, его мать Мандана, у которой есть сын, которого воспитывает его дед Астиаг, предупреждает мальчика о разнице между мидийским и персидским законами и идеализирует государственную деятельность персидских правителей. «То, что кажется справедливым твоему деду», – говорит Мандана, – это не то, что персы считают таковым. Твой дед стал неограниченным правителем Мидии, и равенство считается справедливым среди персов. Твой отец первым не делает ничего, чего не предписывает ему государство, и не получает ничего, чего государство ему не дает: мерилом для него является не его прихоть, а закон. Так что, чтобы не погибнуть под плетью, когда ты вернешься к нам, когда ты научишься у своего деда быть тираном, а не королем, избегай мысли, что у тебя должно быть больше, чем у других». На что Кир остроумно отвечает: «Напротив, твой отец замечателен в Способный научить людей иметь мало, а не много; Разве ты не видишь, как он научил жителей Мидии довольствоваться малым?» (I, 3). Такой разговор неестественен между матерью и семилетним ребенком, как у Кира в этой главе Книги I. Мысли, высказанные в этом разговоре, характерны для политических взглядов самого Ксенофонта. Здесь вопрос о форме правления снова заменяется вопросом о личной дисциплине правителя, но подкрепляется законом против чрезмерного роста его личной собственности. Ксенофонт не раз повторяет те же положения в последней книге «Киропедии», где он идеализирует Кира, всячески искажая факты: «Он подавал пример сдержанности во всем и учил других поступать так же»; «Кир был убежден, что он недостойн командовать теми, кто не превосходит тех, кто, которые он приказал» (VIII, 1); тот же дух проник в речь отца Кира перед персидскими старейшинами после возвращения его сына:

«Если вы, Кир, начнете гордиться своими нынешними успехами и начнете править персами, используя свое личное благо, если вы, граждане, завидующие власти Кира, восстанете против нее, вы лишите друг друга многих преимуществ» (VIII, 5); в конце концов, Кир отдает своих сатрапов (VIII, 5), и, наконец, если вы, граждане, завидуете власти Кира, вы восстанете против него, вы лишите друг друга многих преимуществ» (VIII, 5); в конце концов, Кир уступает своему сатрапу (VIII, 6) те же инструкции и направляет их в правительство провинций. Превосходство правителя над своими подданными, к которому призывает Ксенофонт и которое он считает единственным надежным оправданием власти правителя, по его мнению, заключается в его полном знании финансовых и военных дел страны. В «Киропедии» это снова и снова иллюстрируется на примере деятельности Кира и теоретически зафиксировано в том же разговоре с его отцом в Книге I. Поскольку в данном случае речь идет не об управлении государством в целом, а о руководстве армией, все внимание Ксенофонта здесь сосредоточено на военных вопросах. Его замечания о снабжении армии, поведении командира и дисциплине солдат не лишены интереса. 2-я глава Книги II посвящена вопросу о военных учениях. Ксенофонт предполагает, что охота – лучшая подготовка к войне: «Если вы примените к людям приемы, которые вы использовали против животных, разве вы не думаете, что они овладеют большинством приемов, которые вы используете, чтобы победить врага? В конце концов, вы иногда вставали ночью, даже глубокой зимой, чтобы поохотиться на дичь ...; они также обучали птиц охоте, которые знали, как обмануть таких птиц, как они сами... Чтобы найти кролика, который днем лежит в норе, они вырастили собак, которые искали его по запаху и подбирали его ... Если ты будешь использовать все эти уловки против людей, ни один враг не ускользнет от тебя» (I, 6). Наивное недоумение Кира по поводу того, что его научили, что он не может убежать, и что он не может убежать. никогда не обманывающий людей, его отец легко разрешает это следующим замечанием: то, что неприемлемо с точки зрения друзей, необходимо и достойно похвалы с точки зрения

врагов. Ксенофонт также много говорит об отношении полководца к своим солдатам, о системе вознаграждения, о разделении добычи пропорционально заслугам, о хорошем снабжении армии продовольствием и водой.

Таким образом, две основные черты романа Ксенофонта – это его общие политические взгляды на монархическую тенденцию и его многочисленные деловые советы по организации военных дел, особенно в том, что касается всего, что связано с военной дисциплиной.

С литературной точки зрения рассказ Ксенофонта о пребывании Кира в Астиаге, пожалуй, самый интересный. Ярко и с большой наблюдательностью он описывает поведение мальчика 6-7 лет, любознательного, остроумного и остроумного, разговорчивого, непосредственного, а иногда и раздражающего. Ребяческие выходки Кира, когда он имитирует угощение, или когда он утверждает, что вы напиваетесь от какого-то яда в вине – все это звучит вполне естественно (I, 3); первая охота также хорошо описана, на которой Кир должен был быть только свидетелем, но когда он увидел оленя, он бросился за ним с такой скоростью, что чуть не упал с лошади; это вызвало гнев его деда, который запретил ему даже думать об охоте: «Это хорошо за то, что ты предупредил меня, что собираешься сбежать на охоту, – говорит Астиаг, – Я запрещаю тебе это раз и навсегда. Этого было недостаточно для того, чтобы сын моей дочери умер по моей вине из-за нескольких кусков мяса» (II, 4). Далее Ксенофонт в нескольких словах очень правильно характеризует переходный возраст: живой, с звонким голосом, мальчик становится более сдержанным, скромным и теряет привычку приставать к кому-либо, «как собачонка» (II, 4). Ксенофонт не проходит в «Киропедии» и мимо темы, затронутой им, в «Пире», которая его тоже, по-видимому, сильно интересовала – о красоте и любви. Рассуждения о силе красоты он иллюстрирует новеллой «Об Абрадате и Панфее». Здесь Ксенофонт выражает свое глубокое уважение к верной любви между мужчиной и женщиной. Эта сложная история рассказана Ксенофонтом не в двух словах, а очень искусно вплетена им в книги V, VI и VII.

Роман имеет сложный сюжет. Во время войны с ассирийцами жена ассирийского полководца Абрадата Панфея, женщина необычайной красоты, была захвачена персами; пленница должна была стать добычей Кира, но он не только не воспользовался этим, но даже не захотел ее видеть именно из-за ее красоты, вместо этого назначив Араспа стражем города. Назначил Панфея, который утверждал, что «любовь зависит от воли» (V, 1). Кир несколько иронично возражает Араспу, говоря, что он видел, как взрослые «плакали от страданий, причиняемых любовью, и пытались избавиться от любви, как от болезни, но не могли излечиться». Затем Арасп хвастается, что видел Пантею, но все равно появился в рядах, Кир возражает ему: «Возможно, ты ушел до того, как любовь успела овладеть мужчиной. В конце концов, когда вы до трагиваетесь до него, огонь разгорается не сразу, и дерево загорается не сразу, но я не рискую ни прикоснуться к огню, ни взглянуть на красоту. Я бы не советовал тебе, Арасп, слишком долго углубляться в эту тему. В конце концов, огонь горит только тогда, когда к нему прикасаешься, а красота издали зажигает тех, кто смотрит на нее». Арасп снова хвастается своей неуязвимостью, но в конце концов он все же влюбляется в Пантею и пытается убедить ее изменить своему мужу; она возмущенно отвергает его любовь, но жалуется Киру только после попытки насилия со стороны Араспа, поскольку она не хочет ссориться с Киром с его другом. Арасп стыдится Кира и уезжает, якобы изгнанный им, но на самом деле он отправляется в Лидию в качестве военного шпиона. Панфея вызывает своего мужа с большим отрядом, и он поступает на службу к Киру. Перед решающей битвой с лидийцами Пантея сопровождает его и призывает к подвигам. Когда ее мужа, убитого в отчаянной схватке, находят мертвым, она получает ножевое ранение.

Интересным эпизодом является также завоевание Армении Киром, которое завершается тесным союзом с армянским царем и его сыном Тиграном. Отец Тиграна отпал от Кира и подстрекал мидян к восстанию; Тигран, с которым Кир дружил в детстве, просит Кира простить его отца; когда Кир спрашивает, какой будет его гарантия верности армянскому царю, Тигран

отвечает остроумным психологическим наблюдением: гарантия – это страх, который он испытывает к своему отцу, и, таким образом, Кир не может простить своего отца; когда Кир спрашивает, какой будет его гарантия лояльности армянскому царю, Тигран отвечает остроумным психологическим наблюдением: гарантия – это страх, которые сейчас переживает его отец, не зная, как решится его судьба. ««Ты по опыту знаешь», – говорит он, – что я говорю правду. Замечали ли вы, что тот, кто боится быть изгнанным из своей родины, тот, кто борется, боится потерпеть поражение, полон страха, как и тот, кто боится рабства и цепей; все они не могут ни есть, ни спать от страха; но если они уже боятся быть изгнанными из своей родины, то они боятся быть побежденными, полны страха, как и тот, кто боится рабства и цепей; все они не могут ни есть, ни спать от страха; но изгнанные, они уже потерпели поражение или стали рабами. Они едят и спят не хуже счастливых людей... Из всех чувств страх сильнее всего поражает души» (III, 1).

На фоне абстрактно задуманного политического романа о воспитании идеального правителя Ксенофонту удалось нарисовать серию ярких человеческих образов, тем самым показав, что его главный интерес, который он сам не осознает, объективно направлен на живого человека.

«Киропедия», по сути, первый из греческих романов, дошедших до нашего времени. По своему составу этот роман очень интересен. Ксенофонт умело сочетает очень разнородный материал, чередуя серьезные повествования, такие как рассказы о битвах (например, прекрасное описание битвы при Сардах, VIII, 1), с занимательными историями и анекдотами; в некоторых местах в «Киропедии» есть описания мест и городов, но этот элемент занимает самое незначительное место в «Киропедии». Занимайте свое место. Разговоры и диалоги серьезного или комического характера (например, II, 2) играют значительную роль в романе и приносят в него много анимации. Иногда Ксенофонт произносит речи, в которых Кир обращается к своим ближайшим друзьям или к армии, но он использует эту технику довольно сдержанно и даже критикует его. Когда перс Хрисанф предлагает Киру произне-

сти речь перед битвой, указывая на то, что ассирийский царь уже произнес «много прекрасных наставлений», Кир иронично отвечает: «Не смущайся речами ассирийца, никакое прекрасное увещание не сделает храбрецом того, кто уже не был храбр до этого увещания» (III, 3). Однако затем Кир все же произносит довольно длинную речь перед Хрисанфом, чтобы доказать бессмысленность речей, и в некоторых местах в будущем отступает от правила, которое он высказал. Несмотря на это, Ксенофонт совсем не злоупотребляет длинными речами, предпочитая им диалоги, которые придают повествованию больше живости. Ксенофонт также умело привносит в свой рассказ различные изречения и высказывания. Например, «Нет ничего прекраснее смерти, чем сон» (VIII, 7) или: «Нам будет стыдно, если нам понадобятся копейщики для защиты, и мы не будем копейщиками для самих себя» (VII, 5).

«Греческая история» содержит следующие группы фактов об имперской власти персов и царя:

1. Царь как предмет международных отношений и политической жизни. В Книге III, в которой рассказывается о переговорах между спартанским полководцем Деркиллидом и персидским сатрапом Тиссаферном, Ксенофонт сообщает, что после согласования условий мира было заключено перемирие, действовавшее до тех пор, пока условия Деркиллида не были одобрены в Спарте, и что после того, как Деркиллид согласился на это, в Спарте было заключено перемирие, которое действовало до тех пор, пока условия Деркиллида не были одобрены в Спарте, и условия Тиссаферна царем (для этого в группу фактов входят описания событий, описанных в посланиях эллинов царю, , которые неоднократно встречаются в «Греческой истории».

2. Отношения между королем и его подданными. Большой интерес представляют отношения царя с сатрапами своего государства. Э. В. Рунг может согласиться с тем, что, используя термин *δουτιν* применительно к сатрапам, Ксенофонт не только отвергает свободу и рабство, но и демонстрирует этим униженное положение сатрапов по сравнению с Великим царем. Показательны цитируемые Ксенофонтом слова царя Спарты Агесилая, обра-

щенные к одному из сатрапов Малой Азии Фарнабазу во время переговоров о заключении перемирия в спартанско-персидской войне: «Заключив с нами союз, ты не можешь быть ничьим рабом и не можешь быть правителем (IV.1, 35). Далее Агесилай говорит, что, полагаясь на союз с лакедемонянами, Фарнабаз может расширить свою собственную власть, не власть царя, а свою собственную, подчинив тех, кто «теперь такие же рабы царя, как и ты, и они будут служить тебе. Что ж, если вы свободны и богаты, что еще вам нужно для полного счастья?» (IV.1.36-37). Этот эпизод подтверждает сказанное выше о том, что персидская свобода обязательно подразумевала господство над кем-либо. Согласно фарсальскому Полидаманту, который прибыл в Лакедемон для переговоров, фессалийский правитель Ясон сказал: «Я знаю, что весь персидский народ, за исключением одного человека, представляет собой толпу рабов, чуждых гражданским добродетелям» (VI.1.12).

3. Король как владыка своей земли и всего, что на ней. Царь изображается как человек, обладающий всей полнотой власти на территории империи, владеющий всем, что находится в ее пределах. Территория Империи Ахеменидов называется «Земля царя» (IV.8.17). После одного из морских поражений лакедемонян Фарнабаз говорит лакедемонянам и их союзникам, что нет причин расстраиваться из-за нескольких бревен, которых у царя есть столько, сколько он хочет, до тех пор, пока у лакедемонян есть все, что они пожелают. Солдаты здоровы и невредимы (I.1.24).

4. Отношение эллинов к царю. Главными словами здесь являются слова самих эллинов. Важным свидетельством того, как власть персидского царя воспринималась не только самим Ксенофонтом, но и современными эллинами, является заявление фиванских посланников, которые, в частности, обратились к Афинскому народному собранию, чтобы Афины могли помочь Фивам против спартанцев. сказал: «Они (спартанцы) явно обманули и тех, которых освободили из-под вашей власти; вместо свободы они наложили на них ярмо двойного рабства: над ними владычествуют и гармосты, и те десятеро которых Лисандр поставил во главе каждого государства (полиса). И

сам царь Азии, прежде всячески помогавший им одержать победу над вами, теперь, в сущности, принужден вести себя как раз так, как если бы он в союзе с вами воевал с лакедемонянами» (5.13–14). Далее фиванские посланники делают следующий вывод: «Если ты сможешь нам сейчас, когда мы так явно оскорблены лакедемонянами, ты, несомненно, станешь величайшим из всех великих людей, которые когда-либо существовали. Когда они правили, им подчинялись только морские народы, но теперь они будут править теми, кто ранее находился под их властью, и нами, и пелопоннесцами, и самим царем, обладающим величайшей властью в мире (III.5.14)». В речи посланников из В Фивах отчетливо видно отношение к власти царя, аналогичное отношению Ксенофонта и греков из «десятитысячного» раздела, описанного в «Анабасисе». Даже тогда и эллины, и сам Ксенофонт отмечали могущество и силу царя, богатства его государства. Таким образом, в этой речи послы опирались, среди прочего, на общее греческое представление о силе власти персидского царя. Что касается отношения эллинов к царю, то историк, как говорит о нем Ксенофонт, передает примечательный факт в своем описании одного из эллинских посланий: «... Элеец Архидам высоко оценил все, что он увидел от царя, поскольку царь относился к элийцам лучше, чем к аркадянам» (VII.1.38). Другой посланник по имени Антиох был обижен тем, что царь пренебрег аркадянами и отказался принять подарки, заявив в собрании десяти тысяч, что «у царя, правда, очень много пекарей, поваров, виночерпиев и привратников, но, однако, при всем старании ему (Антиоху) не удалось увидеть людей, которые могли бы сражаться с греками. К этому он добавил, что также считает рассказы о королевских сокровищах пустым хвастовством, поскольку даже печально известный золотой платан оказался настолько большим, что даже кузнечик не смог бы укрыться от солнца в тени его листвы». Впервые Геродот упоминает золотой платан, описывая кампанию от Ксеркса до Эллады. Согласно «отцу истории», когда Ксеркс отправился с армией в Малую Азию и прибыл с армией в Келени, лидийский Пифий, который предложил Ксерксу деньги в качестве подарка для ведения войны, устроил царю

и всей армии великолепный прием. Когда царь спросил свиту, действительно ли Пифий настолько богат, чтобы делать такие предложения царю, он получил ответ: «О царь! Это человек, который подарил твоему родителю Дарию знаменитое платановое дерево и виноградную лозу из чистого золота в качестве подарка. Он по-прежнему остается самым богатым человеком, которого мы знаем после тебя» (VII.27). Оскорбленный аркадский посланник, строивший свою речь по законам риторики, попытался «развенчать» некоторые представления о царе персов, имевшие место среди эллинов. Здесь необходимо вспомнить слова Ксенофонта, процитированные ранее из двух отрывков (Анаб. III.1.11 и III.2.26) о его впечатлениях от царских богатств. В связи с этими фактами следует сделать вывод, что Ксенофонт в «Анабасисе» и «Греческой истории» выразил присущий всем грекам взгляд на власть, могущество и богатство царя, который разделял сам, поскольку он разделял личный опыт общения с персами и персидским царем. Жил на территории империи Ахеменидов.

5. Деятельность персидских царей. Ксенофонт упоминает о болезни Дария II во время его кампании против покинувших его кадусианцев (404 г. до н.э.), из-за чего он был вынужден остаться в городе Фамнерия в Мидии (II.1.13-14) в 393 году. В Книге III кратко описываются события восстания Кира Младшего против Артаксеркса и его последствия. Историк сообщает, что эти события и последующая кампания греческой армии от Вавилонии до моря уже произошли описано в книге сиракузянина Фемистогена (III.1.1-3). У Ксенофонта Деркиллид говорит: «Даже в Азии, которая с незапамятных времен принадлежала царю, жители небольшого городка Темнос, Эги и некоторых других мест могут существовать, не будучи подданными царя (IV.8.5). Это утверждение должно подкреплять традицию представления об Азии как о наследственном, законном владении царя». отразили. Отдельно хотелось бы остановиться на эпизоде, когда Агесилай совершил жертвоприношение в Авлиде перед тем, как отправиться в Малую Азию в 396 году до нашей эры в том месте, куда Агамемнон, согласно легенде, привел их перед тем, как от-

правиться в поход на Трои (III.4.3). Жертвоприношение спартанского царя в Авлиде свидетельствует о двух вещах: 1. Этот акт имел важное символическое значение, с помощью которого Агесилай отреагировал на противостояние между Элладой и Персией, и, таким образом, Агесилай был убит в битве при Аулисе, в то время как Агамемнон, согласно легенде, принес их в жертву, прежде чем отправиться в поход на Трои (III.4.3). Жертвоприношение спартанского царя в Авлиде свидетельствует о двух вещах: 1. Важное символическое значение имел этот акт, которым Агесилай указал на противостояние Эллады и Востока. 2. Сам Ксенофонт, понимая глубокое символическое значение этого действия, вероятно, рассматривал конфликт между эллинами и персидским царем как часть противостояния Эллады и Востока, уходящего корнями в древность. Геродот в самом начале своего труда рассказывает об истории противостояния Европы и Азии. О Троянской войне и ее последствиях рассказывает «отец истории»: «Эллины... собрали огромную армию для одной женщины из Лакедемона, затем отправились в Азию и сокрушили власть Приама. С этого времени персы всегда признавали эллинов своими врагами. В конце концов, персы считают Азию и живущие там варварские племена своей собственностью, в то время как Европа и Эллада являются для них чужой страной. Так, говорят персы, развивались события, и захват Илиона, по их мнению, был причиной враждебности к эллинам" (Гер. I.4-5). Таким образом, "Греческая история» содержит лишь несколько оценок власти царя, что определяется характером жанра и целью создания этого произведения, но читатель может судить о природе этой власти на основе ряда фактов. дается на протяжении всего повествования.

Подводя итог, стоит сравнить Геродота, Фукидида и Ксенофонта как историков, а также изображение персов в их произведениях.

1. Геродот. Автор сосредоточил свой рассказ на истории правления тех восточных правителей, с которыми столкнулись греки, протянув нить из глубин VII века нашей эры к своей современности, от лидийского царя Креза до Ксеркса. Описывая эти периоды правления, Геродот использовал композици-

онную технику, обычную для эпоса: в набросках основного повествования он ввел подробную информацию о народах, имевших какое-либо отношение к упомянутым им правителям, и, таким образом, создал целостную картину всего средиземноморского мира, знакомого грекам – его истории, географии и этнографии. Эта новая картина вселенной была близка по-своему «космическому» масштабу к эпосу, но несла в себе иное видение мира, чем в эпосе. В ходе описания событий Геродот не только сообщил о том, что он узнал, но и опроверг то, что он считал недостаточно надежным, сопоставив свое собственное мнение с мнением другого человека как более разумного. Как и летописцы, Геродот уделяет огромное внимание объектам видимого мира, обычаям народов, ландшафту и дикой природе разных стран. Но «История» Геродота существенно отличалась от хроник не только по объему, но и по оформлению. Он был задуман не как история мест, а как история народов. Помимо предоставления более точной информации о странах, которые они знали, он также дал ключ к пониманию событий современной эпохи. Геродот уловил повторение той же картины и, таким образом, получил возможность представить греко-персидские войны в их неразрывной связи с общим ходом мировой истории. И здесь Геродот также использовал опыт летописцев. Для хроник, а также для более древних сказок и легенд было обычным рассказывать о пророческих снах и сбывшихся пророчествах оракулов, и Геродот ввел этот элемент в описание жизни почти всех восточных правителей. Таким образом, судьбы царей в «Истории» Геродота подчинены некоему таинственному миропорядку, в котором их взлет и падение предопределены заранее. Все ваши попытки отвести от себя гнев обречены на провал. Но воля божества, подчинение человека судьбе – все это для Геродота лишь одна сторона мироустройства. Другой закон неразрывно связан с этим – закон возмездия за человеческие действия. Идея о том, что все люди расплачиваются за свои поступки, проходит красной нитью через все повествование. Человеческая жизнь, показывает Геродот, определяется не только свыше, но и зависит от поведения самих людей. Этот второй угол зрения на события позволил Геро-

доту интерпретировать победу эллинов не только как космическое явление, но и как этический факт, не только как исполнение воли богов, но и как проявление морального превосходства эллинов над персами, однако образ персов рисуется Геродотом крайне противоречивым, в нем достаточно положительных качеств как простых персов, так и таких важных людей, как Дарий. Геродот с большим уважением относится к культуре Востока, персидским обычаям и обычаям, никоим образом не демонизирует «варваров».

2. Фукидид. «История» Геродота была своего рода «послесловием» к войне с персами. Примерно пятьдесят лет спустя появилось еще одно произведение повествовательной фантастики – «История Пелопоннесской войны» Фукидида в качестве «послесловия» к другой войне, которая теперь носит междоусобный характер – «История Пелопоннесской войны». Его автором был военачальник, переживший всю войну, внимательно наблюдавший за ее отдельными событиями и этапами, близкий к делам обеих воюющих сторон. Биография Фукидида в значительной степени объясняет как тип источников, которые он использовал, так и его взгляд на реальность. Геродот включил свои личные наблюдения в готовые хроники, которые были составлены до него, и в его «Истории» по-прежнему преобладали использованные материалы. Фукидид писал как очевидец по свежим следам событий и старался говорить только о достоверных, очевидно проверенных фактах. В центре его внимания была политическая и военная жизнь греческих городов-государств последней трети пятого века. Фукидида интересовало как то, как ведутся сражения, так и то, как ведется политическая игра. Он не только сумел нарисовать в своей «Истории» картину конфликта интересов в греческом обществе, но и попытался поставить весь ход греческой истории в зависимость от действия чисто утилитарных стимулов. В начале своей работы Фукидид переосмыслил далекие легендарные времена, известные каждому греку по мифам и эпическим легендам, как историю постепенного роста богатства и морской мощи и связанных с этим изменений в политической системе. Он не ссылаясь, как Геродот, на волю судьбы или закон возмездия, но скрупулезно

исследовал реальную действительность. Анализ политики полиса приобрел для Фукидида чисто практическое значение: выяснить, как Афинам удалось прийти к власти и почему они не удержали ее. Подобно тому, как Геродот видел источник слабости персов в их подчинении воле деспота, а силу эллинов – в их отсутствии самодержавия, Фукидид установил связь между интересом афинян к государственным делам и могуществом их полиса. Если Геродот, описывая события, обычно задавал себе вопрос: «Почему они произошли?», то Фукидид задается вопросом: «Что определило выбор? Для чего принимаются те или иные меры?». Фукидид раскрывает взаимосвязь реальных утилитарных причин и следствий не только в поведении отдельных людей, но и в истории самого афинского государства. Если у Геродота трагическая судьба его героев predetermined заранее и все попытки избежать ее заведомо обречены на провал, то для Фукидида трагический конец морского могущества Афин отнюдь не фатален и не неизбежен. Возможно, этого не произошло бы, если бы политики не совершили всех своих ошибок, если бы они не поставили свои эгоистичные интересы выше интересов государства в целом. Несчастье постигло афинян не по воле богов и не в наказание за преступление, а в результате неправильно поставленной цели. Фукидид также неоднозначно интерпретирует персов, и его трудно обобщить схематично или глобально. Мы можем с уверенностью сказать, что он никогда не проявлял особого интереса или знакомства с их культурой или политической организацией, а также с историей Персидской империи как таковой; по той же причине он также не играет на персидских стереотипах и (за исключением Павсания-Фемистокла) избегает подчеркивать разнообразие Востока. Он заставляет нас осознать решающее значение персидских войн для идеологии греков, когда они вступают в свой внутренний конфликт, хотя на протяжении большей части своей истории он склонен игнорировать Персию как второстепенную проблему. Помимо изображения персидской войны ее историческими персонажами, Фукидид полностью не выражает своего собственного морального отношения к этому событию до тех пор, пока в своем повество-

вании о Сицилийской экспедиции не будет рассказано о Сицилийской экспедиции. После этого возрождение персидской угрозы (или спасательного круга, в зависимости от точки зрения) на греческом горизонте возвращает картины борьбы Греции и Персии и, в частности, пугающей борьбы азиатских греков за "освобождение".

3. Ксенофонт. Внимание Ксенофонта как писателя сосредоточено на изображении жизни двух типов людей: философа и полководца. Ксенофонт посвятил «Воспоминания о Сократе», «Апологию Сократа», диалоги «Пир» и «Домострой» памяти своего учителя Сократа. Образ полководца использовался им в таких произведениях, как «Киропедия» (вымышленный рассказ о жизни персидского царя Кира Старшего), «Агесилай» (биография спартанского царя, в армии которого служил Ксенофонт) и, наконец, «Анабасис» (рассказ о походе Кира Младшего и возвращение греческого отряда наемников на родину). В основе повествования Ксенофонта лежит повседневная жизнь его персонажей с ее практическими заботами, потребностями и небольшими развлечениями. Как никто другой до него, он видит, любит и рисует образ жизни, которым живут его современники. Высшая доблесть человека в его глазах – это умение достойно вести себя в этой жизни, умение доброжелательно относиться к другим людям. Все положительные персонажи Ксенофонта обладают одинаковыми качествами: они люди, верны своим друзьям и сами наслаждаются их любовью. Гораздо тщательнее, чем до него, Ксенофонт прослеживает, как моральные качества проявляются в поведении человека. Творчество Ксенофонта – еще один важный шаг на пути к созданию нового словесного искусства, начало которому положил Геродот. Это новое, ранее невиданное прозаическое искусство впервые рационалистически поняло человеческую жизнь как взаимосвязь причин и следствий и попыталось раскрыть эту взаимосвязь в изображении реальной действительности. В «Анабасисе» Ксенофонт описывает отношения между персами и эллинами, безусловно, с точки зрения идей, заимствованных у Геродота. В то же время, в отличие от «отца истории», Ксенофонт не представляет Азию как единое

политическое образование, находящееся под властью персов. Только в описании самых экстремальных ситуаций конфликт между отрядом наемников и Артаксерксом предстает перед нами в целом как конфликт между Элладой и Персией. Различие в представлении Ксенофонта о персах и в предшествующей ему исторической традиции, вероятно, можно объяснить изменением самой исторической ситуации. В «Киропедии» Ксенофонт исследовал лидерство, представив историю жизни Кира II, основателя Персидской империи. Поскольку история значительно отличается от других источников, а темп и структура повествования не похожи на таковые в обычной греческой историографии, многие аналитики классифицируют это произведение как художественную литературу. Сюжет, конечно, подчиняется дидактической программе, но Ксенофонт мог оппортунистически полагаться на текущие версии истории Кира, а не на чистое воображение. В результате получается вымышленный рассказ, больше похожий на сократовскую литературу, чем на греческий роман (к которому его иногда представляют, как предшественник). В «Киропедии» методы военного и политического руководства раскрываются как с помощью примеров, так и с помощью прямых указаний; но достижение Кира (то есть абсолютное самодержавие) это не однозначное (или легко передаваемое) благо, и последняя глава является напоминанием о том, что, несмотря на Кира, Персия пришла в упадок. (Как это часто бывает в истории классической Греции, достойные уважения достижения варваров остались в прошлом.) В «Греческой истории» излагаются факты, касающиеся царя и королевской власти, и историк передает не только свое восприятие, но и некоторые представления других эллинов, как о власти, так и о том, как она воспринимается. как царя персов, так и самого себя. Когда Ксенофонт говорит о персах, он часто переключает внимание на военное противостояние с ними в своей живописи. Он рассказывает о персидском царе, чтобы подчеркнуть негативные черты его личности, и создает образ, в котором подчеркиваются физические и умственные качества монарха.

ГЛАВА 2. МЕТОДИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА УРОКА ИСТОРИИ ПО ТЕМЕ «ГРЕКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ»

В преподавании темы греко-персидских войн в школе существует ряд проблем:

- 1) Отсутствие знакомства с первоисточником (Геродот)
- 2) Отсутствие положительной характеристики Персии, подход в преподавании темы эллиноцентричен.
- 3) Недостаточно дидактического подхода, который бы учил школьников к более адекватному восприятию чужой культуры.

Цель данного урока состоит в следующем: познакомить обучающихся с неоднозначным образом персов в сознании древних греков.

Урок по дисциплине **«ИСТОРИЯ»**.

Тема: «Греко-персидские войны: образ персов в сознании эллинов»

Цель: Формирование у учащихся полноценного представления о греко-персидских отношениях. Изучение учащимися исторических источников по греко-персидским войнам. Формирование способности к адекватному восприятию чужой культуры.

Задачи:

Образовательные:

- сформировать и закрепить знания по теме «Греко-персидские войны»;

Коррекционно-развивающие:

- коррекция мышления через установление причинно-следственных связей;
- продолжать развивать познавательные способности при обобщении исторического материала;
- продолжать развивать умение рассуждать, формулировать вопросы, выступать с устными сообщениями;
- продолжать развивать умение выражать свое отношение к событиям, историческим действиям.

Воспитательные:

- формировать у обучающихся понимание важности изучения всемирной истории и истоков зарождения древних цивилизаций;
- воспитание уважительного отношения к народам разных национальностей и их истории.

Методы:

Словесный – рассказ, беседа.

Наглядный – презентация.

Практический – самостоятельная работа.

Оборудование и материалы:

1. Ноутбук, проектор, экран.
2. Презентация.
2. Рабочие тетради, ручки, карандаши.

Тип урока: изучение нового материала.

Ход урока:

Организационный момент. Проверка готовности к уроку.

Актуализация темы урока: На прошлом занятии мы с вами ознакомились с греко-персидскими войнами. На этом уроке мы узнаем кто такой Геродот и ознакомимся с его «Историей», в частности применительно к тому, как он описывал персов и почему начались Греко-персидские войны. Стоит упомянуть, что это основной исторический источник по этой теме.

Немного о биографии «Отца истории». Геродот родился примерно в 484 году до н.э. в Галикарнасе, это древнегреческий полис, находившийся в Карии на средиземноморском побережье Малой Азии. В настоящее время на его руинах располагается турецкий город-курорт Бодрум. Во время рождения Геродота город находился под владычеством Ахеменидской державы. Геродот – сын Ликса и Дрио, галикарнассец знатного происхождения, имел брата Феодора. Из-за Лигдамида, третьего галикарнасского тирана после Артемисии, Геродот переселился на Самос, один из островов в Эгейском море. На Самосе он научился ионийскому наречию и написал историю в девяти книгах, которая начинается правлением Кира, персидского царя, и Кандавла, ли-

дийского царя. Он вернулся в Галикарнасс из изгнания и сам изгнал тирана, но, когда он после этого увидел, что сограждане его ненавидят, он добровольно отправился в Фурии, в колонию, основанную афинянами. Там он и скончался в промежуток между 429-425 годами до н.э. и был похоронен на агоре.

Теперь поговорим о том, как Геродот в своем единственном труде «История» представлял греков и персов, как он их сравнивал между собой. Вообще «отец истории» восхищался Востоком, его мудростью и величием. Тем не менее, в труде Геродота существует поляризация эллин-варвар. Плутарх, древнегреческий писатель, не очень любил Геродота и называл его сторонником варваров. Вообще в «Истории» прослеживается мысль, что народы, живущие в богатстве, не могут быть господами, так как они сильно привыкают жить в расслабленном состоянии, и рано или поздно их покорят народы, живущие бедно, так как у бедных есть мотивация переселиться на более плодородную землю, поэтому они готовят хороших воинов, а погрязшие в роскоши становятся изнеженными и не в состоянии оказать достойный отпор в военном деле этим суровым народам, живущим на скудной земле. Бедными были, например, персы, когда начали свою экспансию во главе с Киром. Но ко времени Греко-персидских войн все поменялось. Теперь Персия выступала в роли государства, погрязшего в роскоши, а Эллада, наоборот, в роли бедного народа. Да, Геродот все же в общем и целом представляет Персию как завоевателей, что они несут ярмо рабства и деспотии и это было так, только вот он очень глубоко уважает восточную культуру и ни в коем случае не демонизирует персов, во многом он отзывается о них достойно. «Ведь из известных мне народов именно у персов более всего в почете доблестные войны» (VII, 238), «Главная доблесть персов – мужество» (I, 136). У Геродота прослеживается противоречивый образ персов, такое ощущение, что он писал какие-то моменты, чтобы потом читать на публике и эти речи были более приятны для эллинского слушателя, а что-то никто не услышал, но прочитали ученые потом. Видимо, положительные отзывы о варварах Геродот читать

не хотел, ну, или он мог их прочитать, но эллины все равно должны быть представлены в более лучшем свете, так как, по всей видимости, Геродот был действительно «филловарваром», по сравнению с теми, кому он все это зачитывал, люди бы не поняли его, говоря он чересчур хорошо о персах, но не гораздо лучше об эллинах. Геродот некоторые персидские обычаи находит достойными, хвалит их (I, 136-137). Потом сообщается, что у персов делать позорно, а именно «лгать и делать долги» (I,138). Из положительного описания есть еще вот какой момент. в «Истории», есть место, где персидские воины оказали честь храбrecу по имени Пифей (VII. 181). Произошло это при Саламинском сражении, корабль Пифея был захвачен, но он не стал сдаваться и защищал свою жизнь и Элладу до тех пор, пока его не «изрубили в куски». Он уже не был в состоянии продолжать бой из-за многочисленных ран, и тут персы взялись его перевязывать раны, пытаться спасти его жизнь, затем они показывали этого бойца своим соплеменникам на других кораблях и прекрасно с ним обращались. Также персам в целом присуща черта оказывать уважение чужеземным богам и храмам. Персидские войска подплыли к острову Делос, местные жители, конечно, сбежали, так как соседние острова были покорены, но военачальник Датис передал жителям через глашатая следующие слова: «Жители священного острова! Зачем вы убегаете, подозревая меня в недостойных замыслах. Ведь я и сам настолько благоразумен, да и царь (Дарий) приказал мне: отнюдь не разорять этой страны, родины этих двух божеств (Артемиды и Аполлона), и не обижать ее жителей. Так вот, возвращайтесь в ваши дома и живите на острове». Затем, возложив на алтарь 300 талантов благовоний, он воскурил фимиам» (VI, 97).

Также необходимо понимать, что нашествие на Элладу было произведено неспроста, на это были причины. Первое персидское вторжение стало ответом на участие греков в Ионийском восстании (499–493 годы до н. э.), когда эретрийцы и афиняне послали силы в помощь городам Ионии, желавшим освободиться от персидского владычества. Эретрийцам и афинянам удалось в 498 году до н. э. захватить и сжечь Сарды, но затем они были вы-

нуждены отступить с большими потерями. Персидский царь Дарий I решил отомстить Афинам и Эретрии. После того, как Ионийское восстание было окончательно разгромлено персами в битве при Ладе 494 году до н. э., Дарий стал строить планы по завоеванию Греции. В 492 году до н. э. Дарий послал экспедицию в Грецию под командованием Мардония. Поэтому вторжение было не совсем вторжением, а внешнеполитической реакцией на внутреннее вмешательство государства, по сути интервенцией.

Закрепление изученного материала.

Задание 1. Исторический диктант.

1. Родной полис Геродота? (Галикарнас)
2. Каким выражением называют Геродота? (Отец истории)
3. Как называлась работа Геродота? («История»)
4. Как называлось восстание, послужившее началом греко-персидских войн? (Ионийской восстание)

Работа с текстом.

Задание 1. Прочитайте отрывок из «Истории» Геродота и назовите моральное качество, которому учат своих детей персы.

«Главная доблесть персов – мужество. После военной доблести большой заслугой считается иметь как можно больше сыновей. Тому, у кого больше всех сыновей, царь каждый год посылает подарки. Ведь главное значение они придают численности. Детей с пяти до двадцатилетнего возраста они обучают только трем вещам: верховой езде, стрельбе из лука и правдивости. До 5-летнего возраста ребенка не показывают отцу: он среди женщин. Это делается для того, чтобы в случае смерти ребенка в младенческом возрасте не доставлять отцу огорчения»

Задание 2. Прочитай отрывок из «Истории» Геродота и назовите главное условие, по которому господин может наказать своего слугу.

«Я одобряю этот обычай, хвалю также и тот, что у них даже и сам царь не имеет права казнить человека за один определенный проступок, да и вообще никто из персов не может казнить своих слуг за единичное преступление.

Только если по зрелому размышлению он найдет, что слуга совершил больше важных преступлений, чем оказал услуг, тогда господин может излить свой гнев на него. По утверждению персов, у них не было случаев убийства родного отца или матери. В каждом подобном случае, по их словам, при ближайшем рассмотрении оказывается, что это дело или незаконнорожденных детей или подкидышей: ведь совершенно противоестественно, чтобы настоящего отца, говорят они, убил собственный сын.»

Задание 3. Прочитай отрывок из «Истории» Геродота и выскажите свое согласие или несогласие с мнением персов.

«О том, что им запрещено делать, персы даже и не говорят. Нет для них ничего более позорного, как лгать, а затем делать долги. Последнее – по многим другим причинам, а особенно потому, что должник, по их мнению, неизбежно должен лгать.»

Итог: Методическая разработка нацелена на несколько более расширенное изучение греко-персидских войн в современных условиях, когда проблема восприятия чужой культуры наиболее актуальна. В результате изучения материала и выполнения самостоятельной работы, учащиеся получают:

1. Знакомство с историческим источником по греко-персидским войнам.
2. Учатся формировать свое мнение на основании прочитанного текста.
3. Получают навык формирования причинно-следственных связей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Геродот, который также является «отцом истории», заложил основы истории как науки. Целью его работы было изучение противостояния эллинов и варваров, Запада и Востока. Большая часть его работ посвящена описанию греко-персидских войн, но Геродот не ограничился изложением фактов, а попытался их объяснить. Он опирался на собственные наблюдения, сведения персов и египтян, местные хроники, легенды и предания, повествующие об определенном народе, и дополнял их сведениями географического и этнографического характера. Он основал свою работу на концепции непреодолимой вражды между Европой и Азией, восходящей к мифологическим истокам. В повествовании Геродота реальное сливается со сказкой, мифом. Историк верит изречениям оракулов и прорицателей, объясняет некоторые события вмешательством божественных сил; в этом отношении он близок к великим трагикам Эсхилу и Софоклу. Все наказания для людей являются результатом воли возвышенных олимпийцев. Цари и полководцы могут иметь в качестве предков мифических героев и даже богов. «История» Геродота – его самый важный и уникальный труд, отражающий все свидетельства, собранные к тому времени как об эллинах, так и о тех, кого Геродот называл варварами. Позже его работа была разделена на девять частей. Геродот изображает персов в разных цветах. Он уважает их обычаи и культуру. Однако персы также совершали отвратительные поступки, о которых гораздо больше говорится в работе Геродота. Они оскверняли трупы, происходили сцены жестокости с их участием. Геродот также ставит моральные качества эллинов выше персидских. «Отец истории» также не сомневается в том, что эллины обладают несравненно большей доблестью, чем персы. Однако он сам писал, что персы больше всего ценят храбрых воинов. Здесь мы находим противоречивый образ персов, нам кажется, что какую-то часть своего описания персов сделал исключительно для чтения публике, возможно, он так и не считал,

а другую часть, которую не зачитывал, писал, так сказать, в века, там он более честен.

Фукидид, сын Олора, был прямым преемником Геродота, он завершил историю греко-персидских войн, которую «отец истории» завершил в 478 году до нашей эры. Однако большая часть работ Фукидида была посвящена Пелопоннесской войне. Не умаляя значения Геродота, отметим, что Фукидид был первым историком, ученым в полном смысле этого слова. Труд Фукидида бесценен как для профессионального историка, так и для обычного заинтересованного читателя. Работа Фукидида, исключая все "сказочное", легендарное, является шагом вперед в смысле научности и достоверности по сравнению с работой Геродота. Оценивая события, Фукидид принимал во внимание не только политические, но часто и экономические обстоятельства, лежащие в их основе. Он ссылался на тексты договоров, документы, проводил выверенную хронологию, показания свидетелей, тщательно проверял и взвешивал накопившиеся факты. Сочувствуя афинянам, он выразил уважение их противникам, спартамцам. Согласно Фукидиду, причиной военного конфликта между Афинами и Спартой является не божественное провидение, а столкновение политических и экономических интересов. Стиль Фукидида прозрачен, лаконичен, манера изложения строга. Даже в его «Истории» Фукидида образ персов сформирован скорее нейтрально-негативно. Автор гораздо чаще употребляет слово «варвар» по отношению к персам, в нем больше отрицательных характеристик. Вообще, Фукидид не интересуется историей Персии, ее устройством, обычаями и обрядами. Персы, в отличие от Геродота, всегда находятся на заднем плане. Фукидид интересуется греческий конфликт, и он говорил о персах только в тесной связи с Пелопоннесской войной.

Ксенофонт – последний в триаде историков. Противник афинской демократии, он симпатизировал Спарте, на стороне которой воевал с Фивами, союзником Афин. Основным произведением Ксенофонта является «Киропедия» («Воспитание Кира») в восьми частях. В центре повествования – образ

царя Кира Старшего, о подвигах которого сохранились легендарные рассказы, использованные автором. Кир, по мнению Ксенофонта, является фигурой идеального правителя: он проявил искусство историка при создании литературного портрета. Ксенофобские сочинения многочисленны и разнообразны, они охватывают не только историю, но и политику, экономику и проблемы образования. В книге «История Греции» Ксенофонт, как бы принимая эстафету Фукидида, завершает описание Пелопоннесской войны. Его стиль похож на манеру Фукидида, лаконичен и лишен эмоций. Он является прекрасным автором мемуаров, и поэтому он добавил новый элемент в греческую историографию. Ксенофонт был очень плодовит и писал на самые разные темы, от истории и философии до сельского хозяйства, лошадей и охоты. Но его взгляды не отличались глубиной, и как историк он стоит несравненно ниже двух своих великих предшественников, Геродота и Фукидида. Он не проникает в глубину явлений, в их внутреннюю связь и значение; он не всегда умеет отличать существенное от несущественного. Вот почему у него нет правильной исторической перспективы; Вот почему в «Греческой истории» он находит возможным игнорировать или умалчивать факты, имевшие большое, решающее значение. Ксенофонт очень набожен, но это не та простая вера, которую мы видим у Геродота; это скорее набожность практичного человека, ожидающего получить преимущества и преференции. Что касается образа персов, то, например, ксенофобия в Анабасисе продемонстрировала превосходство греков над персами как в военном, так и в моральном плане, поскольку персы, включая царя, проявили предательство, нарушив эти клятвы. Однако следует отметить, что сами греки не соблюдали должным образом свои клятвы, что дало персам повод уничтожить греческую армию. Очевидно, что не все персидские реалии были должным образом восприняты эллинами, поскольку у них не было четких представлений о религии персов, и поэтому некоторые персидские ритуалы и взгляды получили совершенно иное освещение в греческих источниках. В то же время Ксенофонт отмечает мощь царской власти и ее богатство, а также говорит о перспективах завое-

вания этой власти, поскольку военная мощь персов не представляла для этого существенного препятствия. В целом Ксенофонт по отношению к Геродоту более лоялен по отношению к персам, чем по отношению к Фукидиду. В «Киропедии» формируется довольно позитивный образ Кира II как монарха.

В рамках методической разработки были решены две поставленные проблемы. Благодаря ей у учащихся сложится более комплексное представление о Греко-персидских войнах и в целом о противостоянии культур. Они познакомились с образом инаков, с образом завоевателей в «Истории» Геродота, поработали с текстом первоисточника, где познакомились с обычаями и нравами персов. Также было произведено знакомство с биографией Геродота, «отца истории», проведен на эту тему небольшой исторический диктант.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые акты:

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (приложение к приказу Министерства образования и науки Российской Федерации от «31» мая 2021г. № 287). URL: <https://base.garant.ru/55170507/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>
2. Федеральный закон об образовании Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
3. Историко-культурный стандарт. URL: <https://www.kommasant.ru/docs/2013/standart.pdf>

Исторические источники:

3. Аристотель. Политика. Сочинения в 4-х томах. М., 1983. Т.4.
4. Геродот. История. М., 1993.
7. Ксенофонт. Киропедия. М., 1976.
8. Ксенофонт. Греческая история. Ленинград., 1935.
9. Ксенофонт. Анабасис. М., 2003.
11. Плутарх. О злокозненности Геродота. М., 1947.
12. Плутарх. О славе афинян. М., 2014.
13. Фукидид. История. СПб., 1999.

Литература:

1. Жебелёв С. А. Фукидид и его творение. Фукидид. История. СПб., 1999. Приложения. С. 394-424.
2. Земцова Е.Е. Становление концепции эллинизма и утверждение эллинской идентичности в эпоху архаики и классики // Вестник РГУ. № 1. 2017. С. 55-62.
3. Зельин К. Из иностранной литературы о Фукидиде // Вестник древней истории. 1950. № 4. С. 414-422.
4. Лурье. С.Я. Геродот. М., 1947. 207 с.
5. Рунг. Э. В. Представление персов как варваров в греческой литературной традиции V в. до н. э. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2005. №3. С. 125-166.
6. Рунг Э.В., Чиглинецев Е.А. Darius versus Xerxes: Образы Дария I и Ксеркса в древнеперсидских надписях и в произведениях Эсхила и Геродота // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2018. №4. С. 118-158.
7. Суриков И.Е. Геродот. М. 2009. 414 с.
8. Структура «Истории» Геродота. URL: <https://24smi.org/celebrity/4945-gerodot.html> (дата обращения 20.12.2019)
9. Список научных работ Рунга Э.В. URL: <http://kpfu.ru/docs/F979046410/Rung.doc> (дата обращения 20.12.2019)
10. Allen K. H. Philobarbarism: a Study in Greek Interchanges with the Non-Greeks in the Fourth Century B.C. Princeton, 2002. 233 p.
11. Gomme A. W. A historical Commentary on Thucydides. 1945. 312 p.
12. Grundy G.B. Thucydides and the History of his Age. 1948. 553 p.
13. Hirsch S. The Friendship of the Barbarians: Xenophon and the Persian Empire. Hanover; L., 1985. 232 p.
14. Hartog F. (Le Miroir d'Hérodote. Essai sur la représentation de l'autre. 1980. 392 p.
15. Judeich W. Kleinasiatische Studien: Untersuchungen zur griechischpersischen Geschichte des IV Jahrhunderts v. Chr. Marburg, 1892. 385 p.
16. Levy E. Hérodote philobarbaros ou la vision du barbare chez Hérodote. 1992. 244 p.
17. Miller M. Athens and Persians in the Fifth Century B. C.: a Study in Cultural Receptivity. Cambridge, 1997. 412 p.
18. Mitchell L. Greek Bearing Gifts: the Public Use of Private Relationship in the Greek World, 435–323 B. C. Cambridge, 1997. 264 p.

19. Redfield. J. Herodotus the Tourist // *Classical Philology*. 1985. № 80. P. 97-118.
20. Tuplin C. Persians as Medes // *Achaemenid History*. № 80. 1994. P. 1-16.